

№7 (25)/2013

Информационный бюллетень

Credo in Deum

Как стать католиком?

Так как же стать католиком? Что для этого нужно? Достаточно ли просто ходить в католический храм, или нужно проходить какие-то обряды?

Ваш выбор должен быть осознанным. Прежде чем сделать выбор в пользу католичества, Вы должны хоть немного познакомиться с католической верой, культурой, обычаями католиков, Вам необходимо прочитать литературу о католичестве. Краткий экскурс в историю католичества находится здесь: http://credoindeum.ru/publ/raznoe/chto_takoe_katolichestvo/6-1-0-31

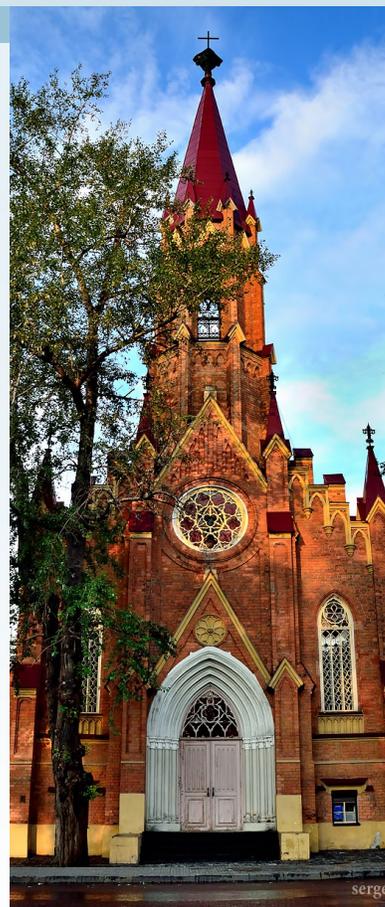
И так: посещать Католическую Церковь, ходить на Святые Мессы общаться с прихожанами, сёстрами-монахинями и духовенством можно и без принятия всяких обрядов. Никто вас за это не осудит, а только наоборот вам все будут рады. Господь всегда рад людям, а храм – это дом Божий. Для того, чтобы прийти в католический храм, вам вовсе не обязательно быть католиком, вы можете быть православным или представителем другой конфессии, можете даже быть человеком вовсе неверующим. Господь любит нас всех.

Если же Вы хотите быть в полном общении с Католической Церковью (иметь возможность исповедоваться, принимать св. Причастие, так же принимать участие в других Таинствах Церкви), вам необходимо принять Крещение. Если Вы были до этого крещены в другой христианской конфессии, то Вам креститься повторно уже не надо (Креститься можно только один раз в жизни), в таком случае Вам необходимо официально присоединиться к Католической Церкви. В любом случае (и для людей, желающих креститься и для желающих присоединиться к католикам) вам необходимо записаться на курсы катехизации. Курсы эти абсолютно бесплатны, длятся порядка одного календарного года. Занятия проходят 1 раз в неделю (день можно выбрать из предложенных). С вами будут заниматься сёстры-монахини, а так же иногда будут приглашаться священники, которые смогут ответить на все ваши вопросы. Запись на курсы осуществляется несколько раз в год. В любом случае, для того, чтобы узнать точное время и место начала занятий по катехизации, вам необходимо лично обратиться в ризницу ближайшего к Вам католического храма и поговорить со священником, монахом / монахиней или же узнать у любого прихожанина, куда вам обратиться. А священник Вам скажет, когда будет проходить запись на занятия в Вашем приходе.

Зачем, собственно, вообще нужна катехизация? – полагаю, Вас должен интересовать этот вопрос. На курсах катехизации Вы узнаете: что такое Библия, и какие книги в неё входят? В чём смысл крестной жертвы Иисуса Христа? Сколько существует таинств в Церкви и зачем они нужны? Какие обряды приняты в Католической Церкви? Что такое Святая Месса, и из каких частей она состоит? Какие существуют католические праздники и как католики их отмечают? Как и чем живут католики? На эти и многие другие вопросы дают ответ курсы катехизации, закончив которые человек приходит в храм уже ПОНИМАЯ, что, как и зачем там происходит. И его участие в богослужении становится ОСМЫСЛЕННЫМ.

Катехизация

Очередной набор на курсы катехизации (подготовки к Таинствам Церкви) будет проходить в Римско-католическом Кафедральном соборе Москвы предположительно в сентябре. Точную дату и время начала занятий можно уточнить двумя путями: 1) подъехав непосредственно в сам Собор: г. Москва, ул. Малая Грузинская, дом 27/13. или 2) позвонив туда: +7 (499) 252-39-11. Предпочтительен первый вариант. Приезжайте в пн, вт, чт, пт и сб к 19, в ср. к 18, а в воскресенье к 10 или к 17.30 часам: в это время в храме как раз начинается Месса (богослужение) на русском языке, после которого вы можете обратиться в Ризницу к священнику.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

- О безошибочности Папы 3
- Св. Месса—ритуал любви 5
- Об индульгенциях..... 9
- Библия и теория эволюции 11

В сентябре 2013 г.
открывается набор
в новые группы по
подготовке к Таин-
ствам
(катехизация) в
Кафедральном
Соборе Москвы!
Адрес: г. Москва,
ул. Малая Грузин-
ская, дом 27/13.

«БЫТЬ ЕДИНЫМИ В РАЗЛИЧИЯХ»

«Когда мы позволяем одержать верх логике человеческой власти и не даем наставлять нас и вести вере, Богу, то становимся камнем преткновения», – сказал Папа, совершая утром 29 июня Мессу в ватиканской базилике св. Петра по случаю праздника покровителей Церкви Рима – святых Апостолов Петра и Павла. В богослужении присутствовала делегация Вселенского Константинопольского Патриархата, возглавляемая митрополитом Пергамским Иоаннисом. «Единые в различиях: таков путь Иисуса», – сказал Святейший Отец.

Знак общения с епископом Рима и обязательство быть орудиями общения, – паллий, литургический знак, символ потерянной овцы и Доброго Пастыря, Который отдает жизнь за

Своих овец, был возложен Папой Франциском на плечи 35 архиепископов митрополитов со всего мира. Этот обряд совершается по традиции 29 июня, в праздник покровителей Церкви Рима. Их присутствие, – отметил Святейший Отец, цитируя II Ватиканский Собор, – является знаком общения в Церкви, который не означает единообразия. Многообразие – это, на самом деле, огромное богатство:

«Огромное богатство, которое заставляет нас переживать, некоторым образом, событие Пятидесятницы: сегодня, как тогда, вера Церкви говорит на всех языках, и желает объединить народы в единую семью».

«Многообразие в Церкви – всегда основано на гармонии единства, как огромная мозаика, в которой все элементы участвуют в образовании большой картины Бога» Папа Франциск.

Папа Франциск:

«Св. Павел имел единственное оружие: послание Христа и дар всей своей жизни Христу и другим. И именно то, что он, говоря о недостатках, первым приводил в пример себя, не щадил себя, был всем для всех, сделало его убедительным и создало Церковь. Епископ Рима призван жить и утверждать в этой любви к Христу и ко всем без различий, ограничений и границ».

«Многообразие в Церкви, – продолжил Папа, – всегда основано на гармонии единства, как огромная мозаика, в которой все элементы участвуют в образовании большой картины Бога»:

«И это должно побуждать всегда преодолевать любой конфликт, который ранит тело Церкви. Единые в различиях: таков путь Иисуса! ...Синод Епископов, в гармонии с первенством. Мы должны идти этим путем синодальности, расти в гармонии с служением первенства».

Епископ Рима призван утверждать в единстве веры и любви, – подчеркнул Папа. Руководствуясь евангельской иконой исповедания Петра Иисусу: «Ты – Христос, Сын Бога Живого», за которым следуют слова Мессии «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою», Папа Франциск предостерег христиан и служителей Церкви от опасности руководствоваться мирской логикой:

«Когда Иисус говорит о Своей смерти и воскресении, о пути Бога, который не соответствует человеческому пути власти, в Петре вновь пробуждается плоть и кровь: он «начал прекословить Господу: ... да не будет этого с Тобю» (16,22).

И Иисус отвечает ему сурово: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!» (ст. 23). Когда мы позволяем преобладать нашим чувствам, мыслям, логике человеческой власти, и не даем наставлять нас и вести вере, Богу, то становимся камнем преткновения».

Источник: <http://ru.radiovaticana.va>

О БЕЗОШИБОЧНОСТИ ПАПЫ РИМСКОГО

Христос наделил пастырей благодатным даром безошибочности в вопросах веры и нравственности. Пользование этим даром может облекаться в различные проявления:

Этой безошибочностью обладает в силу своей миссии Римский Первосвященник, глава Коллегии Епископов, когда он как верховный пастырь и учитель всех верующих, которому поручено "утверждать в вере своих братьев", окончательным решением провозглашает положение учения о вере и нравственности. (...) Обещанная Церкви безошибочность наличествует также в Коллегии Епископов, когда они совместно с преемником Петра осуществляют верховное учительство", особенно на Вселенском Соборе. Когда Церковь своим верховным учительством предлагает веровать в нечто "как богооткровенное" и как учение Христа, этим "определениям надо подчиняться в послушании веры". Эта безошибочность простирается так же широко, как и сокровище Божественного Откровения.

Божественная помощь дана также преемникам апостолов, учащим в общении с преемником Петра, и особым образом Епископу Римскому, Пастырю всей Церкви, когда, не претендуя на безошибочное определение и не вынося "окончательного решения", они предлагают в рамках постоянного Учительства поучение, которое приводит к лучшему разумению Откровения в вопросах веры и нравственности. Верующие должны дать "религиозное согласие своего духа" такому обычному поучению; это согласие отличается от согласия веры, но в то же время продолжает его.

Катехизис Католической Церкви пп. 890-891.

Папа Франциск: "Идите против течения и гордитесь этим!"

Имейте мужество идти против течения и не давайте лишать себя надежды, – призвал Папа перед чтением молитвы Angelus в полдень 23 июня, обращаясь к 80 тысячам паломникам и верным, собравшимся на площади Св. Петра под окнами кабинета Папы.

Приводим полный текст наставления Святейшего Отца:

«Дорогие братья и сестры, здравствуйте!»

В Евангелии сегодняшнего воскресения вновь звучит одно из наиболее впечатляющих слов Иисуса: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережёт её» (Лк 9,24).

В этой фразе заключена суть послания Христа, и она выражена с помощью весьма действенного парадокса, который показывает нам Его манеру говорить, как бы дает услышать Его голос ... Но что значит «потерять жизнь за дело Иисуса»? Это может происходить двумя способами: явно, исповедуя веру, либо неявно, защищая истину. Мученики являются высшим примером принесения себя в жертву за Христа. За две тысячи лет огромное число мужчин и женщин пожертвовали жизнью, чтобы остаться верными Иисусу и Его Евангелию. И сегодня во многих частях мира есть много, – гораздо больше, чем в первые века, – много мучеников, которые отдают свою жизнь за Христа, которые идут на смерть, чтобы не отвергнуть Иисуса Христа.

Поиск смысла жизни

Однажды, по пути домой, старец повстречался с человеком, который куда-то настолько сильно спешил, что, обгоняя по пути, случайно задел его плечом. Тот в свою очередь спокойно и вежливо обратился к нему с вопросом:

— Скажи, человек, куда это ты так спешишь, что ничего не замечаешь на своём пути?

— Прошу прощения, — сказал человек, не сбавляя шагу, — спешу я потому, что занят поиском смысла жизни и не имею права медлить, пока цель моя не достигнута.

— Что ж, — промолвил старец, — я слышал об одном человеке, который искал всю свою жизнь этот смысл.

— Надеюсь, истина открылась ему? — полюбопытствовал нетерпеливый попутчик.

— Да, умирая, он успел шепнуть тем, кто был рядом то, что понял смысл жизни лишь умирая, — ответил старец.

— И что же он сказал?

— Он сказал, что смысл жизни это выбор...

— Что ж спасибо тебе за беседу, — сказал человек, поклонился старцу и почти бегом продолжил свой путь.

— ... выбор, либо найти смысл жизни в исполнении воли Бога, либо всю жизнь потратить на поиски этого самого смысла, — закончил старец, но его слова прозвучали уже в пустоту.

Случайный попутчик был уже слишком далеко. Он спешил.

СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ

Однажды к мудрецу пришёл его ученик и спросил:

— Учитель, объясни мне, почему я, имея такие же глаза, как и у тебя, часто не замечаю того, что замечаешь ты.

Мудрец вышел из комнаты и через какое-то время вернулся, держа в руках папирус на незнакомом для ученика языке. Развернув его, он спросил:

— Что ты видишь?

Ученик, не желая выдавать своё незнание, сказал:

— Я вижу многовековую мудрость в этих словах.

Тогда мудрец сказал:

— На самом деле перед тобой — записка египетского купца. А знаю и вижу я это потому, что

однажды, не побоявшись признаться себе в том, что я чего-то не знаю, выучил этот язык.

СЧАСТЬЕ

Смерть рано или поздно к каждому придет,

И даже богачи уходят в свой черёд.

И вот старик-богач, одной ногой в гробу,

Пред братом бедняком клянёт свою судьбу:

— Мол, и дворцы, и слуги были у меня,

Но счастлив в этой жизни не был я ни дня.

И брат-бедняк ответил брату-богачу:

— Страдалец, я тебе одно сказать хочу —

Что счастье не купить ни за какие блага,

Ведь счастье — это дар от Бога и награда.

УПРЯМЫЙ СПОРЩИК

В одном селении жил невероятный спорщик, который спорил подряд со всеми и каждым. Благодаря своему невероятному упрямству, ему удавалось любой спор заканчивать в свою пользу со словами: «Вот видишь, я был прав». На любое утверждение, любую мысль у него находилась противоположная. Гордый своими победами в спорах, услышал он однажды о том, что в его селение приехал мудрец.

«Если я переспорю ещё и этого мудреца, то слава обо мне пойдёт не только по этому селению, но и по всей стране», — решил заносчивый человек и бросился искать мудреца.

Подойдя к дому, в котором гостил мудрец, спорщик попросил разрешения поговорить с ним. Когда его привели к нему, он сказал с высокомерием:

— Мудрец, я слышал о твоей мудрости, и, несмотря на это, я уверен, что любую фразу, которую ты скажешь, я смогу оспорить, доказав, что ты не прав.

— Да, ты прав, — спокойно ответил мудрец.

— Нет, неправ, — запальчиво воскликнул спорщик... и осёкся.

СВ. МЕССА—РИТУАЛ ЛЮБВИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Начало см. в предыдущих номерах нашего Информационного бюллетеня. Номера можно скачать на нашем сайте www.credoindium.ru

Постараемся, для начала, вникнуть в структуру Литургии св. Мессы. Месса состоит из двух главных частей: возвещения Слова Божия и так называемой Евхаристической молитвы, за которой следует Причастие. Эти два элемента представляют собой сущность Мессы - они присутствовали во всех ортодоксальных обрядах с самого начала христианства. Подобно драгоценному камню в перстне, Литургия Слова и Евхаристическая Литургия : окружены дополнительными обрядами, целью которых является подготовка собрания верных к участию в главном. Таким окружением можно считать начальные обряды, предложение даров и заключительный чин. В этой главе мы займемся первой частью начальных обрядов.

Как правило (если только не совершается так называемая «тихая Месса»), все начинается с пения. Пение играет объединяющую роль. Оно призвано создать из зачастую незнакомых друг другу людей общину, соединяя их в совместном поклонении Богу. К сожалению, очень часто случается, что поет только хор или органист, остальные же участники Литургии лишь слушают. На сегодняшний день мы имеем дело не только с кризисом литургического пения, но и с кризисом пения вообще. Из своего детства я вынес воспоминания о соседях по дому (блочному, крупнопанельному, времен позднего Гомулки), которые, при случае застолий, сопровождавшихся обильными возлияниями, всегда оповещали двор о том, что «жизнь короткая такая» и что соколы должны лететь через горы, леса, поля и доли. Тогда я смотрел на это с некоторым чувством превосходства. Сегодня у меня уже нет прежней уверенности. Эти люди не слушали прекрасно записанную музыку, но собирались вместе и пели. И хотя ни репертуар, ни сопутствующие алкогольные напитки не были изысканными, они участвовали в празднике всем своим существом и создавали этот праздник, были его настоящими творцами. Мы же зачастую оказываемся не участниками праздника, но «потребителями» музыки. Однако для того, чтобы по-настоящему праздновать, мало быть потребителем. Литургия не терпит сторонних наблюдателей и по своему мстит им: они перестают что-либо понимать и уходят. Чтобы понять Литургию, нужно в ней участвовать.

Папа Франциск: "Идите против течения и гордитесь этим!"

Это наша Церковь: сегодня у нас больше мучеников, чем в первые века! Но есть также мученичество каждодневное, которое не ведет к смерти: но и оно означает «потерять жизнь» за Христа, исполняя свой долг с любовью, следуя логике Иисуса, логике дара, жертвы. Подумаем об этом: сколько пап и мам каждый день претворяют в практику свою веру, конкретно принося в жертву свою жизнь ради блага семьи! Подумаем о них! Сколько священников, монахов, монахинь щедро несут свое служение ради Царства Божия! Сколько молодых людей отказываются от своих интересов, чтобы посвятить себя детям, инвалидам, старикам... И это тоже мученики! Мученики каждого дня, мученики повседневности!

Кроме того, есть также много людей, христиан и нехристиан, которые «теряют свою жизнь» ради истины. А Христос сказал нам: «Я есмь истина», следовательно, кто служит истине – служит Христу. Одним из этих людей, отдавших жизнь за истину, является Иоанн Креститель: завтра, 24 июня, отмечается великий праздник, торжество его рождения. Он был избран Богом, чтобы приготовить путь Иисусу. Иоанн указал народу Израиля на Иисуса как на Мессию, на Агнца Божия, Который берет на Себя грех мира (ср. Ин 1,29). Иоанн посвятил всего себя Богу и Его посланнику Иисусу. Но что произошло в итоге? Он умер за дело истины, когда обличил прелюбодеяние царя Ирода и Иродиады. Сколько людей платят дорогой ценой за свою приверженность истине! Сколько честных людей предпочитают идти против течения, чтобы не отрицать голос совести, голос истины!

СВ. МЕССА—РИТУАЛ ЛЮБВИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

При входе священника все встают. Такое положение, литургическое *par excellence*, - прекрасный образ человека, находящегося между землей и небом, духовного и телесного одновременно. Вместе с тем, оно являет нам человека как странника, возносящегося ввысь. Возносить его на небеса должна молитва. Стоячее положение показывает также, что я, христианин, являюсь участником воскресения, восстания из мертвых. Все мое тело молится и выражает правду о том, кто я. Оба знака - вставание и пение - должны выражать еще одно: в общине присутствует Христос. Ибо где двое или трое собраны во имя Его, там Он посреди них (ср. Мф 18, 20). Наконец, верные встают для того, чтобы приветствовать предстоятеля. Существуют разные формы его входа: от торжественной процессии с крестом, свечами и кадилом до простого прохождения кратчайшим путем к алтарю. Однако всякий раз, когда священник входит в церковь, чтобы предстать при совершении Евхаристии, он представляет Самого Христа, присутствующего «в лице служащего, ибо Он, Который однажды принес Себя Самого на кресте, теперь приносит Себя Самого через служение священников» (Конституция о богослужении II Ватиканского Собора, 7). Сами жесты - пение, одинаковое положение тела, приветствие священника вставанием - уже являются знаками того, что мы, как Церковь, носим в себе присутствие Воскресшего. Он присутствует в нас и через нас.

Священник подходит к алтарю, отдает ему глубокий поклон и целует его. Алтарь - центральное место в церкви, ибо на нем совершается Пресвятая Жертва. Он является также символом Христа - именно поэтому предстоятель целует его. Этот жест более красноречив, чем слова, которыми его можно объяснить.

Только после приветствия алтаря священник обращается к народу, и все творят крестное знамение, являющееся старейшей молитвой и экзорцизм-мом одновременно. Христианский документ III века, называемый Апостольским преданием, говорит об этом знаке так:

Всегда старайся набожно осенять чело свое крестом; сей видимый и испытанный знак Страстей Господних защитит тебя от дьявола, если только будешь совершать его не напоказ перед людьми, но с верою, сознательно заслоняясь им как щитом. Ибо когда внешним знаком ты являешь свое духовное подобие (Христу), враг, видя силу, исходящую из твоего сердца, бежит, (...) поскольку (...) овеял тебя Дух Божий.

Когда я с верой творю крестное знамение, меня овеивает Дух Божий, подающий покаяние, обеспечивающий действенность таинств, Дух, Который есть любовь Самого Бога.

Творя крестное знамение, мы произносим имя Святой Троицы. Во имя Троицы мы собираемся в церкви, ибо во имя Троицы мы были крещены. Мы, мысленно возвращаемся к крещению, ибо благодаря ему мы можем участвовать в Евхаристии; мы вспоминаем, что предопределены Отцу, спасены Христом и освящены Духом. Мы вспоминаем, что все исходит от Бога и возвращается к Нему, что не мы выбрали христианство, но Бог избрал нас и призвал к вере. Причиной этого были не наши решения и не решения наших родителей, но благодать Божия.

Затем священник обращается с приветствием непосредственно к собравшимся. Существуют различные формы этого приветствия, заимствованные из Нового Завета, прежде всего из апостольских посланий. Часто употребляемая формула: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и общение Святого Духа да будет со всеми вами», - является парафразой фрагмента Второго Послания к Коринфянам (13, 13). Она была распространена в Церквях, находившихся под влиянием патриархата Антиохии, места, в котором нас впервые назвали христианами. Приветствие в начале Мессы - это благословение, пожелание, чтобы собравшиеся испытали на себе Божию благодать и любовь. Но не только. Приветствие является также оповещением собрания верных о присутствии Божиим. Лучше всего это прослеживается в словах «Господь с вами», являющихся старейшим и наиболее традиционным литургическим приветствием. Характерно, что в нем нет глагола. В польском переводе сохранилась амбивалентность греческого и латинского текстов, благодаря чему мы воспринимаем приветствие и как пожелание, и как извещение о присутствии Бога: когда вы собраны вместе, Он посреди вас.

Папа Франциск: "Идите против течения и гордитесь этим!"

Праведников, которые не боятся идти против течения! И мы тоже не должны бояться! Среди вас много молодежи. Вам, молодые, я говорю: не бойтесь идти против течения, когда у нас хотят отнять надежду, когда нам предлагают искаженные ценности, - которые подобны испорченной пище, и если ее съесть, она вызывает отравление: эти «ценности» тоже вызывают отравление. Мы должны идти против течения! И вы, молодые, будьте в этом первыми! Идите против течения и гордитесь этим. Вперед! Будьте мужественными и идите против течения! И гордитесь этим!

Дорогие друзья, примем с радостью это слово Иисуса, правило жизни, предложенное всем. И св. Иоанн Креститель да поможет нам применять его на практике. На этом пути нам предшествует, как всегда, наша Мать, Пресвятая Мария, Которая потеряла Свою жизнь ради Иисуса, вплоть до Креста, и получила ее в полноте, со всем светом и красотой Воскресения. Да поможет нам Мария лучше усвоить логику Евангелия».

После чтения богородичной молитвы Angelus Папа сказал:

«Запомните хорошо: не бойтесь идти против течения. Будьте мужественны! И точно так же, как мы не хотим есть испорченную пищу, не будем нести эти искаженные ценности, которые губят жизнь и лишают надежды. Вперед!»

www.cathmos.ru

СВ. МЕССА—РИТУАЛ ЛЮБВИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Этими словами священник оповещает нас о том, что Господь выполняет Свое обетование: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20). Словам сопутствует жест священника, как бы «охватывающий» все собрание. Хорошо выполненный, он действует сразу. В свое время мой папа хвалил нового викария в нашем приходе за то, что простирая руки со словами: «Господь с вами», - он как будто хотел всех охватить, обнять.

Без слов приветствия как входная песнь, так и вставание собравшихся были бы неоднозначны. Слова эти придают только что произведенным действиям более определенное значение. Здесь прослеживается динамизм обрядов Церкви: одни действия, без объясняющих их слов, немые; слова же, без подчеркивающих их действий, остаются не до конца высказанными.

Народ отвечает: «И со духом твоим». Почему он не отвечает просто: «И с тобой»? Действительно, этот семитизм переводится именно так: твой дух -твоя личность - ты. Однако древние христиане усматривали в этом ответе более глубокую истину, выраженную святым Иоанном Златоустом следующим образом:

Когда бы не было Духа Святого, не было бы в Церкви ни пастырей, ни учителей, ибо таковые поставляются Духом Святым, как говорит Павел: «В котором (стаде) Дух Святой поставил вас блюстителями» (Деян 20, 28). Видишь ли теперь, что и это происходит посредством Духа? Если бы не было Духа Святого в вашем общем отце и учителе, который минутою раньше воссел на этом святом престоле и приветствовал вас с миром, вы не воскликнули бы единым гласом: «И со Духом твоим». Вы же отвечаете ему так не только когда он восседает на престоле, увещевает вас и молится о вас, но и когда предстоит перед святым алтарем, дабы принести страшную сию жертву - посвященные знают, о чем говорю. Он прикасается к Покоящемуся на алтаре не ранее, чем пожелает вам благодати Господней и услышит от вас: «И со Духом твоим». Ответствуя так, вы вспоминаете, что предстоящий перед алтарем не совершает ничего и что предложенные дары не являются заслугой человеческой, но Благодать Духа Святого, снисходя на всех, совершает таинственное сие жертвоприношение. Мы видим лишь человека, но через него действует Бог. Итак, взирая на естество стоящего пред очами твоими, помышляй о незримой благодати! Ибо на алтаре этом не совершается ничего человеческого. Если бы не было здесь Духа Святого, Церковь бы не устояла; а коль скоро стоит, явствует из сего, что есть здесь Дух Святой (Проповедь на Сошествие Святого Духа, 1).

Итак, ответ: «И со духом твоим», - является ссылкой на ту особую роль, которую исполняет на евхаристическом собрании священник. Он, названный Златоустом «общим отцом и учителем», представляет во время Литургии Самого Христа, действует *in persona Christi*. Так происходит не потому, что он лучше других, не потому, что он более свят и набожен, но потому, что через него действует Дух Святой, тот самый Дух, который почил на нем в день рукоположения и который пользуется им как орудием Божией любви - орудием недостойным, но истинным.

Однако нужно быть реалистом. И приветствие, и ответ на него призывают как священника, так и остальных верных, к вере. Иногда верным бывает трудно разглядеть, что тот священник, слабости которого они так хорошо знают, действительно достоин уважения, вытекающего из слов: «И со духом твоим». Их вера должна выражаться в признании того, что Бог слишком милосерд, чтобы оставить Свою Церковь на произвол недостойных пастырей, и потому Он дарует им силу, не зависящую от их личной святости или греховности. Священник совершает истинные и животворящие таинства, даже если он последний негодяй. Было бы лучше, если бы он им не был, но даже если это так, это не может быть непреодолимым препятствием для Духа Святого. Говоря: «И со духом твоим», - мы можем молитвенно вздохнуть ко Господу Милосердному, чтобы Он помог священнику становиться все более достойным этого ответа.

Папе Франциску доверяют 87 процентов итальянцев

За первые 100 дней понтификата Папа Франциск снискал доверие 85 процентов итальянцев: об этом свидетельствует социологический опрос, проведенный итальянским Институтом Демополис. Согласно собранным данным, среди католиков число симпатизирующих Папе достигает 96 процентов, среди женщин – 87 процентов, а среди не католиков и неверующих – 65 процентов.

Респонденты отметили в особенности спонтанность, скромность, близость к людям, простоту языка Св. Отца и его внимание к самым слабым. Поступки Папы, который больше всего впечатлили итальянцев, - это выбор имени, встреча с Папой на покое Бенедиктом XVI и омоложение ног малолетним воспитанникам исправительной колонии в Великий Четверг.

87 процентов итальянцев заявили о своем доверии к Папе Франциску, а 63 процента о доверии к Католической Церкви.

<http://ru.radiovaticana.va>

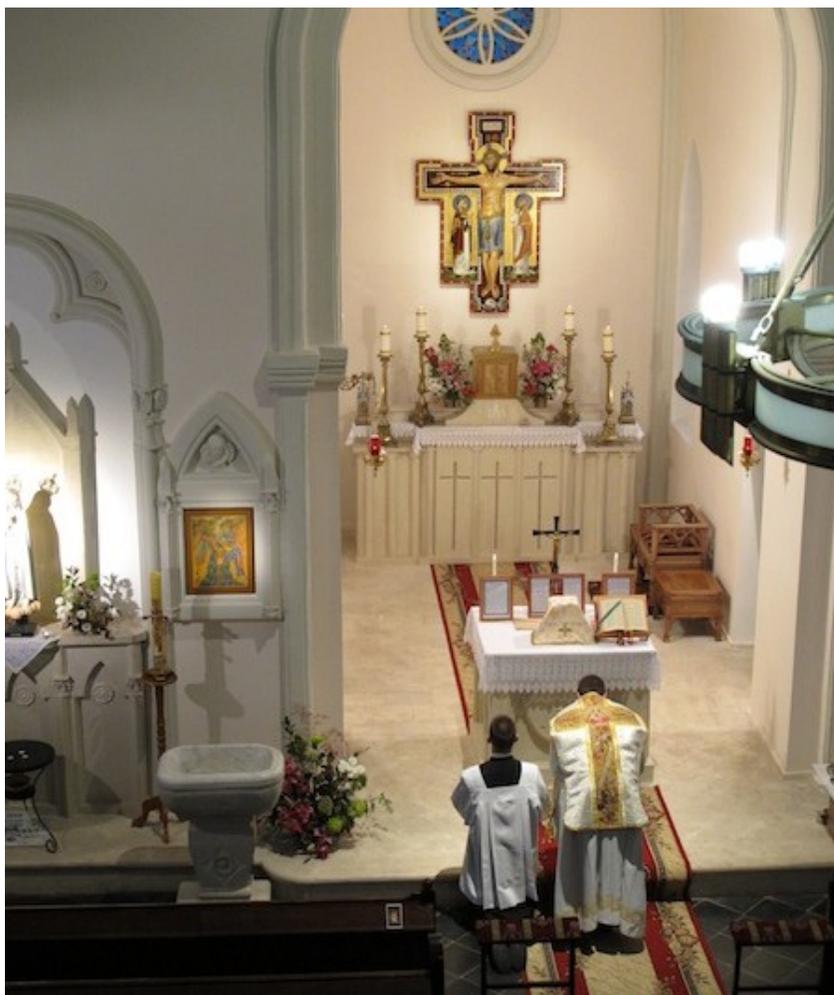
СВ. МЕССА—РИТУАЛ ЛЮБВИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

У нас существует обычай, по которому во время благословения, получаемого от новопоставленного священника, люди целуют ему руки. Когда-то один из моих братьев отдернул руки, не желая, чтобы их поцеловал старший по возрасту монах. В ответ он услышал: «Я не Мартина целую, а священника». В словах: «И со духом твоим», - речь идет о признании в священнике именно священника, а не Мартина.

С другой стороны, священнику тоже нужна вера, чтобы сказать собравшимся, которых он нередко знает, о том, что Господь с ними. Он должен осознать, что правда о человеке не исчерпывается его греховностью; что, пока человек жив, есть надежда на его обращение; что священник не имеет права никого перечеркивать.

Вступительный диалог между священником и народом завершает обряды осознания присутствия Божия. Диалог этот напоминает обмен комплементами: когда я вижу вас, я вижу моего Бога - когда мы видим тебя, мы видим Духа Святого. Повторяется сцена благовещения, когда ангел пришел к Марии, восхитился ее открытостью для Бога и воскликнул: «Господь с Тобою» - то же, что в наши дни священник говорит народу. Следующие за этим обряды будут повествовать нам об ином облике Церкви: о нашей греховности.

Печатается по книге: Квентень Томаш Краткий путеводитель по Святой Мессе. Киев, 2005.

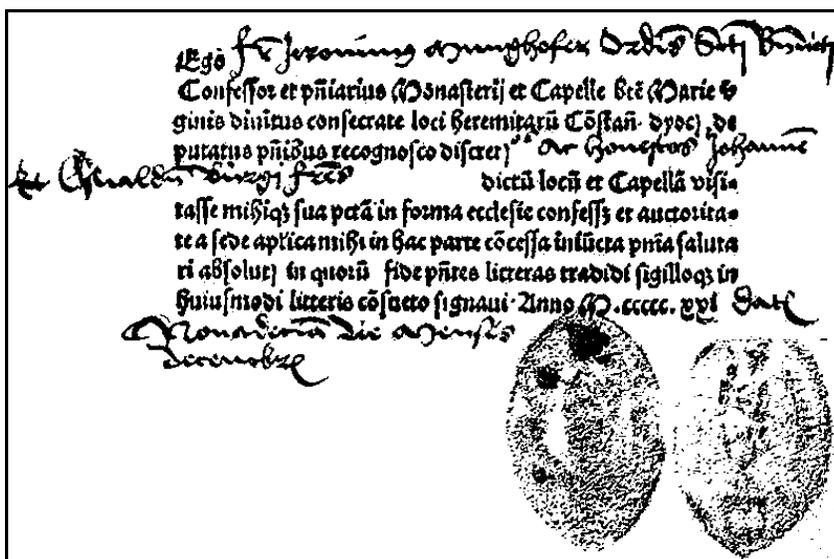
О современном библейском невежестве

Предлагаем вашему вниманию статью монс. Тимоти Вердона "В поисках утраченного символа, или о современном библейском невежестве". Эта статья была написана в октябре 2008 года, но несколько не утратила своей актуальности.

В то время как XII очередная генеральная ассамблея Синода Епископов размышляет о Слове Божиим в жизни и миссии Церкви, будет полезным вкратце подумать о том, что можно назвать "современной библейской неграмотностью", то есть о почти полной утрате чутя и техник, которые веками формировали христианский способ восприятия Священного Писания.

Чтобы понять всю серьезность этой ситуации, достаточно рассмотреть книги с миниатюрными иллюстрациями, созданные вручную в средневековых монастырях для литургических целей. Современный пользователь, который сталкивается с подобными сокровищами на выставке, или в статьях по истории искусства, скорее всего даже не поймет дистанцию, отделяющую нас сегодня от мира, который их создал: между нашим "книжным" опытом и опытом средневековым имеются столь существенные различия, что мы о них можем и не догадаться.

Свидетельство о получении индульгенции, датированное 19 декабря 1521

ЧТО ТАКОЕ ИНДУЛЬГЕНЦИЯ?

.Согласно Катехизису Католической Церкви, индульгенция - это отпущение перед Богом временной кары за грехи, вина за которые уже изглажена в Таинстве Исповеди. Грех влечет за собой двойное последствие. Тяжкий грех лишает нас общения с Богом и тем самым закрывает доступ к вечной жизни: это «вечная кара за грех». С другой стороны, любой грех, даже малый, ведет к неупорядоченной привязанности к творениям, и от этой привязанности необходимо очиститься либо на земле, либо после смерти, в состоянии, называемом Чистилищем. Это очищение освобождает от того, что называется «временной карой» за грех. Обе эти кары не должны пониматься как месть Бога, поражающая извне; ибо они вытекают из самой природы греха. Обращение, порожденное горячей любовью, может привести к полному очищению грешника, так что ему не придется уже претерпеть никакой кары. Индульгенция дается Церковью, которая имеет от Иисуса Христа власть связывать и разрешать. Тем самым она действует во благо христианина и открывает перед ним сокровище заслуг Христа и святых, чтобы верующий получил от милосердного Отца отпущение временной кары за грехи.

Практика индульгенций в зачаточном состоянии существовала уже в первые времена жизни Церкви. Для примирения с Церковью кающимся верным, впадшим в ересь, предписывалось паломничество ко гробницам мучеников. Церковь всегда имела убеждение, что, подобно заслугам Христа, плоды которых изливаются на всех верных, заслуги святых также являются сокровищем для всех, в силу общения святых, которое мы исповедуем в Символе веры.

Прежде всего начиная с XI века, когда на кающихся налагались различные епитимьи в зависимости от тяжести греха (эти епитимьи могли быть продолжительными – от месяца до всей жизни) – появилась практика смягчать покаяние посредством совершения каких-либо действий, например, паломничества к святыням или участия в Крестовых походах для освобождения святых мест. Такое понимание индульгенции как снисхождения – отпущения временной кары за грех – можно увидеть на священных образках той эпохи.

Учение об индульгенциях основано на двух элементах: во-первых, на том, что заслуги Христа бесконечны, и вместе с заслугами святых они могут излиться на всех, кто расположен к ним причаститься. Это убеждение основано на вере, что Христос дал Своей Церкви всякую власть в том, что касается вечного спасения людей.

О современном библейском невежестве

В эпоху Интернета само понятие "книги" начинает ускользать от нас, и в свете современных библейских и литургических исследований традиционное представление о "священной книге", похоже, имеет иное значение, чем в прошлом. На практике, сегодня почти невозможно понять сакральную силу, которую имел в средние века библейский или литургический текст.

То же самое можно сказать о миниатюрах, украшающих текст. В наше время глянцевых изображений, которыми пестрят газеты, журналы, телевидение очень трудно удивить изысканной свежестью миниатюр, сияющих золотом среди колонок текста. Мы утратили интеллектуальную и эмоциональную связь, существующую между изображением и древним текстом, который знали, любили и в который верили.

Тем не менее, для более чем тысячи лет европейской истории, типичным контекстом книг был именно контекст веры, которой жили, о которой глубоко размышляли и питались текстами настолько древними, что они казались "вечными": текстами, которые можно назвать просто "молитвами". Богослужебные книги на самом деле служили общинной молитве, а Библия – для Lectio Divina, которая, в свою очередь, питалась и в какой-то мере формировалась под влиянием литургии и молитвы.

Под "литургией" мы здесь подразумеваем целый комплекс церковных обрядов, вместе с евхаристической литургией, или "мессой". Тексты мессы, которые изменяются в зависимости от праздников, или периода года, действительно требуют своего рода общинной lectio divina, для понимания празднуемого события или персонажа.

ЧТО ТАКОЕ ИНДУЛЬГЕНЦИЯ?

Индульгенция может быть получена не только для себя, но и для усопших, для отпущения их временной кары в Чистилище. Таким образом мы призваны участвовать в спасительном деянии Иисуса Христа, взявшего на Себя вину за наши грехи. Все мы через наше личное участие в Страстях Христовых содействуем нашему благу и благу всей Церкви. Об этом святой апостол Павел писал в Послании к Колоссянам (1,24): «Страдая в земной жизни, я восполняю недостающую меру страданий последних времен ради прихода Помазанника, Христа. Я страдаю ради Его Тела, а это – Церковь».

Особого упоминания в истории практики индульгенций заслуживает «Праздник прощения», отмечаемый каждый год в Ассизи в первых числах августа. Речь идет об «Индульгенции Порциункулы» - полной индульгенции, о которой попросил святой Франциск у Папы для всех, кто посетит церковь Порциункулу 2 августа.

Вот как звучит эта история в «Грамоте Теобальда», епископа Ассизского: «Ночью Года Господня 1216 в церквушке Порциункула Франциск был погружен в молитву и в созерцание, как вдруг неожиданно по церкви разлился ярчайший свет. Франциск увидел над престолом Христа, облеченного в свет, а у Его десницы Его Пресвятую Матерь. Они были окружены множеством Ангелов. Франциск безмолвно поклонился в землю своему Господу. Они спросили у него, чего он желает для спасения душ. Франциск незамедлительно ответил: «Отче Пресвятой, хоть я убогий грешник, прошу Тебя: даруй каждому, кто раскаялся, исповедался и пришел в эту церковь, щедрое и великое прощение, чтобы полностью была отпущена вся их вина». «Брат Франциск, то, о чем ты просишь, - великое дело, - сказал ему Господь. – Но ты достоин самого большего, и самого большего получишь. Итак, Я принимаю твою просьбу, но при условии, что ты попросишь у Моего викария на земле, от имени Моего, об этой индульгенции».

Франциск незамедлительно предстал перед Папой Гонорием III, который в то время пребывал в Перудже, и чистосердечно поведал ему о своем видении. Папа выслушал его со вниманием и после некоторых колебаний дал своё одобрение».

В дальнейшем эта индульгенция была распространена на всех, кто в период от полудня 1 августа до конца 2 августа посетит какую-нибудь приходскую церковь, францисканскую церковь или какую-либо другую церковь, имеющую такую привилегию. Условия получения индульгенции – это Исповедь, Причастие, молитва о нуждах Святейшего Отца и исповедание веры. Для получения индульгенции к Исповеди можно приступить в период от пятнадцати дней до Праздника Прощения и в течение пятнадцати дней после него.

Еще одно обязательное условие для получения общей индульгенции – это, помимо Таинства Исповеди, полная отчужденность от смертного и от обыденного греха. Если в душе есть привязанность, расположенность к какому-либо греху, то отсутствует главное условие для получения индульгенции.

В эпоху Возрождения практика предоставления индульгенций нередко приводила к значительным злоупотреблениям (раздача за денежные пожертвования и др.). Злоупотребления индульгенциями ставленника майнцкого архиепископа монаха Тецеля послужили поводом для протеста Лютера и для начала реформационного движения.

В 1567 г. папа Пий V запретил любое предоставление индульгенций, включающее какие-либо денежные расчёты. Современный порядок предоставления индульгенций регламентируется документом «Руководство по индульгенциям», выпущенном в 1968 г. и дополненным в 1999 г.

Источники:

<http://ru.radiovaticana.va>

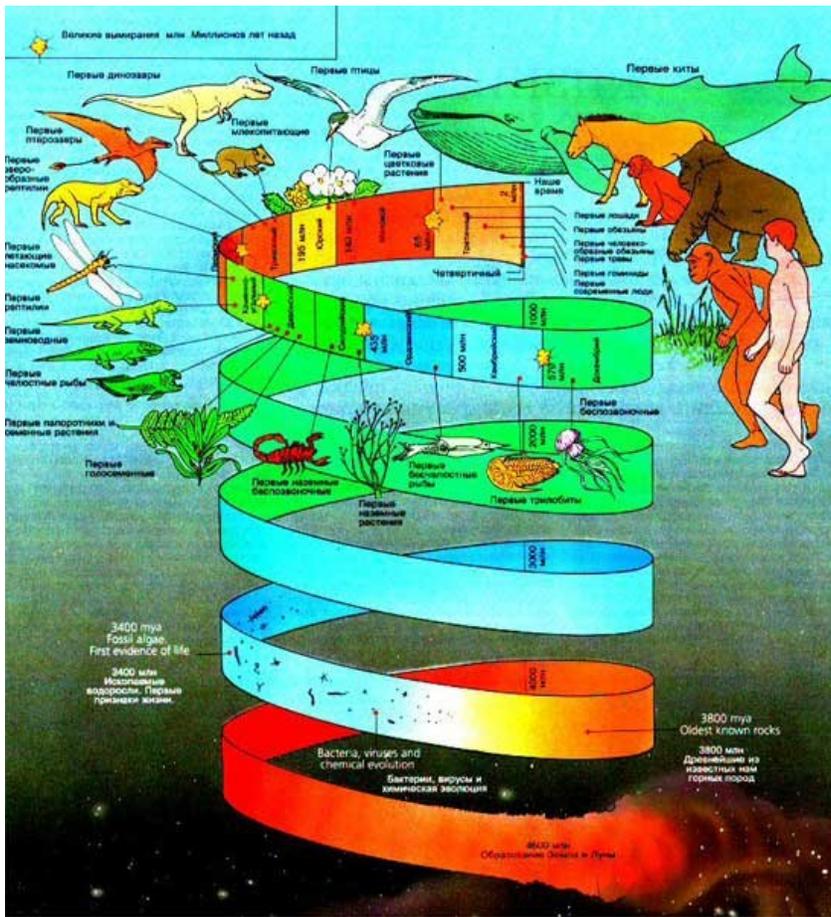
<http://ru.wikipedia.org>

О современном библейском невежестве

Всякая вещь соотносится с мистическим центром христианской веры, жертвой, которую Христос принес на кресте и с новой жизнью Его воскресения. Даже в канун Рождества, тексты мессы обязывают соединять радость рождения с драматическим фактом смерти на кресте; тело младенца в яслях, тело распятого взрослого человека, *Corpus Christi* действительно присутствует в евхаристическом хлебе и "Мистическое Тело", состоящее из общины, собравшихся в молитве, становятся единым целым. Вот почему фреска в базилике Ассизи, на которой изображен святой Франциск, кладущий Младенца в ясли, расположена под большим крестом рядом с алтарем.

Речь идет о способе "видеть" – понимать – причинно-следственные связи между историческими, метаисторическими и сверхъестественными событиями, отличающиеся от нашего: о способе "видеть" – понимать – который влиял на способ чтения, а следовательно, воображения и изображения содержания текста. Возьмем, к примеру великолепную начальную роспись в бривиири четырнадцатого века из библиотеки Queriniiana в городе Брешиа; это буква "В" первого слова Псалма 1 на латыни Вульгаты, "beatus": *Beatus vir qui non abiit in consilio impiorum*, "Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых". Отцы Церкви соотносили это начальное слово с Христом, и миниатюрист использовал открытые пространства в этой букве "В" для того, чтобы напомнить всю жизнь Христа, со сценами Благовещения, Рождества, распятия и погребения. Расположив слова *Beatus vir* в начале и по краю этих сцен, неизвестный художник связывает "блаженство" отношения человека с Богом – тему Псалма – с Иисусом Христом.

БИБЛИЯ И ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ

Как согласуются между собой теория Дарвина и Библия?

ОТВЕТ:

Если под теорией Дарвина понимать не мысль одного конкретного автора, а эволюционизм в целом, то это учение о прогрессивном развитии Вселенной и отдельных её секторов. Вдохновителем эволюционизма стал Чарльз Дарвин, однако он ограничил своё учение биологической сферой, с целью объяснить происхождение разнообразных видов от немногочисленных первоначальных организмов. В философии же первым, кто применил принципы эволюционизма, был Герберт Спенсер. Он видел в эволюционизме принцип, применимый ко всей реальности и научной системе.

Надо заметить, что по сей день эволюционизм не находит полного консенсуса среди самих ученых. Они утверждают, что он пока еще не предоставил убедительных доказательств, но прежде всего проблема в том, что он не способен объяснить «человеческий феномен».

Тем не менее, эволюционистские гипотезы не находятся в противоречии со Священным Писанием, - ведь Книга Бытия не следовала научным критериям.

Уже в 1909 году Папская Библийская комиссия утверждала: «В написании первой части Бытия священный автор не намеревался дать научное объяснение сокровенной сути видимых вещей и описать точный порядок сотворения, но он стремился дать своему народу доступное ему пояснение, соответствующее стилю общения того времени и чувствам людей. Поэтому в ее толковании не следует стремиться с точностью и постоянством к стилю научного языка».

Таким образом, теорию Дарвина вполне можно согласовать со священным текстом, но при одном условии: признавая, что в момент появления человека, наделенного нематериальной душой, имело место прямое вмешательство Бога, Который сотворил душу человека.

О современном библейском невежестве

Древний способ чтения имел также аллегорический аспект, который, в эпоху "научного" изучения Библии, мы рискуем потерять. Антифон к Песне Захарии (Benedictus) утренней хвалы торжества Богоявления, к примеру, связывает весьма впечатляющим образом три библейских события, которые в своей хронологической последовательности составляют первое явление Христа миру: прибытие волхвов с дарами к новорожденному Иисусу (Мф 2, 1-12); крещение Иисуса в реке Иордан (Мф 3, 13-17; Мк 1, 9-11; Лк 3, 21-22); и превращение воды в вино на браке в Кане (Ин 2, 1-12).

Но, как бы понимая пастырскую сложность дать понять связь между этими событиями, анонимный автор антифона нарушает хронологический порядок и переставляет местами события, говоря: "Ныне Церковь, омытая от греха в Иордане, соединяется со Христом, Женихом своим; / приходят волхвы с дарами на царский брак, / и вода, в вино превратившись, веселит трапезу, / аллилуйя!".

Первое и последнее слово поясняют этот стиль прочтения: "Ныне" и "Аллилуйя!". Здесь ветхозаветные тексты были истолкованы в свете литургии, и в литургии изменяется чувство времени, так, что события прошлого и даже их чередование между собой переживается экзистенциально как единое "ныне" Бога, представляя исторические события местами и превращая их в одномоментные и взаимопроникающие тайны. Каждое событие бросает свет на другое событие в едином замысле Отца, открытом через жизнь-смерть-воскресение Христа: вот мышление, лежащее в основе бесчисленных христианских изображений, от катакомб до XXI века.

БИБЛИЯ И ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ

В 1996 году, обращаясь к Папской Академии Наук, Папа Иоанн Павел II писал, что контрасты между вероучением и научной теорией, принимающей гипотезу эволюции, не являются непреодолимыми, поскольку некоторые положения разделяются обеими сторонами. Папа Войтыла ссылается на энциклику Пия XII «*Humani generis*»: «Нет противоречия между эволюцией и доктриной веры о человеке и его призвании, при условии, что мы соблюдаем некоторые положения.

Учитывая состояние научных изысканий той эпохи и потребностей богословия, энциклика «*Humani generis*» рассматривала доктрину эволюционизма как серьезную гипотезу, заслуживающую изучения и внимательного размышления, - точно такого же, как и противоположная гипотеза. Пий XII говорил также о двух методологических условиях: что эту гипотезу не следует воспринимать как точную и доказанную доктрину, а также не следует утверждать, что можно обойтись и без Откровения, трактующего содержащиеся в этой теории вопросы».

Человек наделен разумом, позволяющим ему иметь высшее знание о мироздании и войти в отношения познания и любви с Богом. Иоанн Павел II напоминает, что человек с самого начала был задуман в виду воскресшего Христа. И если тело человека происходит от материи, которая существовала и до него, то душа – духовная составляющая – создана непосредственно Богом. Поэтому такая теория эволюции, которая считает дух проистекающим от сил живой материи или неким побочным феноменом этой материи, несовместима с истиной о человеке и не способна дать основание достоинству человека. Как пишет Иоанн Павел II, в человеке мы видим «онтологический скачок». И далее: «Наука наблюдения описывает и измеряет с растущей точностью многообразные проявления жизни и помещает их на линию времени. Момент перехода к духовному не является предметом подобных наблюдений, однако его возможно обнаружить на экспериментальном уровне целым рядом ценных признаков специфичности человеческой природы».

Раз Бог создал человека из уже существующей материи, вдохнув в него душу, то Он преобразил и саму материю. В этом и заключается онтологический скачок: он касается не только вдыхания души, но и преобразования самого тела, которое в тот момент становится телом человека. Человек был сотворен в состоянии первоначальной святости, которое затем было нарушено.

К этому надо добавить, что генетический код каждого человека абсолютно неповторим, но он является общим для всех людей во всех основных чертах. Генетический код – это самое «антиэволюционистское» открытие, какое только могла сделать современная наука.

<http://ru.radiovaticana.va>

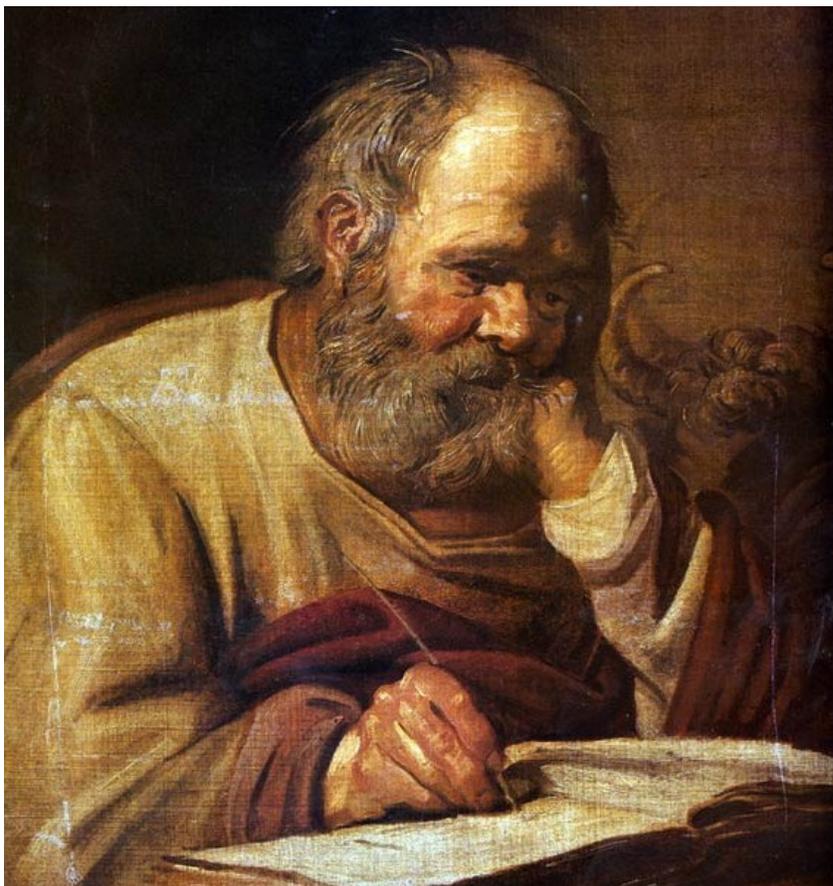

О современном библейском невежестве

Как начальная роспись первой буквы антифона на Богоявления, так и сам антифон являются плодом монашеского вдохновения, и это является основополагающим. Монашество само по себе является произведением искусства: оно делает "зримым" и "осязаемым" особую интенсивность христианской жизни, потому что монах желает быть, как Христос, иконой, или образом, красоты Бога; а монастырь является тем местом, где с помощью собратьев, разделяющих то же духовное видение, можно совершенствоваться, своего рода мастерская души. Самая распространенная западная формула монашеской жизни, *Regula monachorum* св. Бенедикта Нурсийского (ок. 480 - ок. 547), прямо проводит эту аналогию, сравнивая монастырь с мастерской ремесленника, характеризуя жизнь монахов, как творческий процесс (*Regula Benedicti*, 4, 75-78). Это утверждение позже находит отклик в одной из проповедей, в которой он представлял жизнь верующих, обогащенную "золотом добрых дел (...) и драгоценными инкрустациями усердной веры" (*Homelia*, 6 "De predicatione"). То, что отличает монахов от других христиан – по крайней мере, по мнению св. Бенедикта – это степень усилий: монахи вкладывают всю свою человеческую силу в духовный замысел, используя в качестве "инструментов" нравственные заповеди христианской жизни, *instrumenta artis spiritalis* (RB, 4, 75).

Хотя смысл этих фраз явно метафорический, не удивительно, что метафора стала реальностью, и что монастыри превратились в движущие центры искусства, как и ожидал св. Бенедикт (см. главу 57 из *Правила о Ремесленниках в монастыре*).

МОЛИТВА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ЛУКИ

В Евангелии от Луки молитва занимает очень важное место. Лука чаще других евангелистов представляет нам молящегося Иисуса. Он молится перед ключевыми моментами Своего жизненного пути:

- 1) Впервые Иисус произносит молитву у Луки во время Своего крещения: «Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лук.3:21,22);
- 2) следующий раз Он молится в пятой главе Евангелия от Луки, незадолго перед первым столкновением с фарисеями (Лук. 5,17): «Но тем более распространялась молва о Нем, и великое множество народа стекалось к Нему слушать и врачеваться у Него от болезней своих. Но Он уходил в пустынные места и молился». (Лук.5:15,16);
- 3) перед тем, как призвать двенадцать апостолов (Лук. 6,13): «В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу». (Лук.6:12);
- 4) до того, как спросить учеников Своих, за кого почитают они Его (Лук. 9,18-20): «В одно время, когда Он молился в уединенном месте, и ученики были с Ним, Он спросил их: за кого почитает Меня народ?» (Лук.9:18);
- 5) во время Своего преображения на горе: «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею». (Лук.9:28,29);

О современном библейском невежестве

В истории христианства культурными плодами монашества пользовались не только монахи, поскольку молчание и уединенная жизнь монастырей, вместо того, чтобы отталкивать, привлекала множество верных. Задолго до того, как начал учить Алкуин, а Ансельм – писать, граждане Александрии Египетской отправлялись в пустыню слушать св. Антония аббата, а римляне вели своих детей к св. Бенедикту. Даже когда золотой век монашеской культуры стал клониться к закату, начиная с XIII-XIV веков идеал одиночества, наполненного молитвой, остался образцом для активных монашеских орденов и для мирян, которым они проповедовали.

Не будет преувеличением утверждать, что завоевания монахов – их искусство и архитектура, литургическая практика, организационные структуры и методы, применявшиеся в сфере образования, сельского хозяйства и торговли, сформировали культурное сознание Европы. Более того, монашеская жизнь, рассматриваемая как социальный творческий и добровольный выбор, глубоко запечатлелась в воображении христиан, настолько, что некоторые из наиболее фундаментальных стремлений нашей цивилизации могут быть прочитаны только в свете монашеского "делания".

Во всем этом важно понять двойную роль воображения. С одной стороны монашеская жизнь требует усилия воображения в том, кто вступает в нее, становясь монахом; с другой она требует того же воображения от христианского общества в целом.

МОЛИТВА В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ЛУКИ

6) в 11 главе своего Евангелия Лука рассказывает о том, как Господь учить Своих учеников молитве Господней «Отче наш»: «Случилось, что когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих. Он сказал им: когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого». (Лук.11:1-4);

7) В 18 главе Лука рассказывает о том, как Иисус произносит ученикам притчу о судье неправедном, чтобы показать им, как важна неотступность в молитве: необходимо неустанно молиться и не унывать: «Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать, говоря: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лук.18:1-8);

8) в этой же главе приводится притча о мытаре и фарисее, напрямую касающаяся проблемы молитвы: «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится». (Лук.18:9-14);

9) Иисус просит учеников молиться в Гефсимании: «Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение». (Лук.22:40), после чего: «И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился» (Лук.22:41);

10) Он молится за своих убийц, которые его распинают на кресте: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий». (Лук.23:34);

6) перед смертью на кресте: «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух». (Лук.23:46).

Кроме этого:

7) Только Лука рассказывает нам о том, что Иисус молился за Петра во время его испытания: «но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих».

Не подлежит сомнению, что для Луки молитва является всегда открытой дверью к Богу, и самым драгоценным сокровищем во всем мире.

О современном библейском невежестве

Мужчина или женщина, отказывающиеся от радостей жизни, удаляясь искать Бога в молчании и молитве, нуждаются в весьма развитом социальном и моральном "воображении", чтобы твердо верить в то, что "не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор, 2, 9): этот отрывок процитирован в Regula Benedicti 4, 77. Прежде всего в отношениях с собратьями, порой проблематичными, именно воображение, помимо веры, помогает монаху чувствовать, что всякий раз, как "вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне" (Мф, 25, 40; ср. Regula Benedicti 36, 3).

С помощью того же воображения те, кто остается в миру, на протяжении веков считали монахов "мудрецами" и "пророками", а не опасными инакомыслящими на задворках общества. От тысяч человек, отправлявшихся к авве Антонию в египетскую пустыню, прося его "слова", до сотен тысяч, читающих сегодня Томаса Мертона или Энцо Бьянки, христиане повзрослели, что одиночество монахов вовсе не подразумевает презрения к другим, и что из их молчания может проистекать мудрость на служение человеку.

Волнующее в своей простоте, это доверие подсказывает важнейшую функцию монашества в сфере жизни христиан, относящейся к воображению, функцию "символа", которая облакает святостью то, что к нему приближается.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА

Дорогие друзья!

С июня 2012 года наш сайт начал предоставлять услугу электронной почты нашего домена, то есть, теперь вы можете завести себе почтовый ящик вида `name@credoindeum.ru` где `name` - это имя вашего ящика. Вторая часть имени ящика - `credoindeum` - *Credo in Deum* - переводится на русский язык с латинского, как "Верую в Бога".

Наша почта размещена на серверах Яндекса и, следовательно, обладает всеми достоинствами Яндекс-почты. Например, мы, благодаря Яндексу, предлагаем вам ящик такого размера, который вам нужен. Сразу после регистрации объем вашего почтового ящика равен 10 гигабайтам. Как только в нём останется менее 200 мегабайт свободного пространства, ящик автоматически увеличится на 1 гигабайт при условии, что пользователь (т.е. вы) регулярно авторизуется, заходит в веб-интерфейс своей почты.

Почтовый ящик мы предоставляем вам абсолютно бесплатно! Для того, чтобы завести себе почту на нашем домене, вам необходимо отправить заявку на подключение почтового ящика на адрес `dominik@credoindeum.ru`

В заявке вы должны указать следующее:

1. Желаемое имя почтового ящика (разрешена только латиница)
2. Ваши ФИО и логин на сайте `www.credoindeum.ru` (если вы зарегистрированы на нашем сайте). Внимание! В первую очередь ящики предоставляются зарегистрированным на нашем сайте пользователям, имеющим от 10 и более сообщений на нашем форуме `www.credoindeum.ru/forum`
3. Ваш возраст.
4. Страна и город вашего проживания
5. Ваше вероисповедание
6. Почему вы выбрали почту нашего домена?
7. Пожелания нашему сайту `www.credoindeum.ru` (не обязательно)

Заявку отправляйте на почту сайта: `dominik@credoindeum.ru` Новый ящик вам будет подключен в течении 3-5 дней.

О современном библейском невежестве

Посетители монастыря, как и сами монахи, имели впечатление, что в созерцательной сосредоточенности обители места и предметы обретают нечто от духовности обитателей этих мест. Даже самые простые предметы вдруг воспринимались как знаки, открывающие солидарность между человеком и святыней, как ступени лестницы, уходящей от земли к небу. Именно в этом духе св. Бенедикт говорит, что даже к общим инструментам монастыря следует относиться как к священным литургическим сосудам (*Regula Benedicti* 31, 10).

Речь идет о способе видеть сакральное, когда поверхность вещей становится прозрачной, чтобы открыть бесконечную перспективу, облекая образы действенностью. Изображение Тайной Вечери в трапезной монастыря, к примеру, кисти Леонардо в обители Пресвятой Марии Благодати, является не только "украшением", но функциональным предметом, который сообщает веру, от которой он рождается, и питает ее. Практические решения в формальном возникновении произведения, которые обычно входят в сферу истории искусства, здесь переплетаются с другими решениями, не эстетическими, но экзистенциальными.

<http://ru.radiovaticana.va>

Чаша терпения

Однажды молодой христианин попросил своего учителя объяснить, стоит ли испытывать терпение другого человека. Учитель взял пустую чашу и поставил её ему на колени, дав в руки кувшин, наполненный водой. Попросив ученика закрыть глаза и постепенно наполнять чашу.

Учитель сказал:

— Испытывая терпение другого человека, ты вслепую наполняешь чужую чашу, которая, тем не менее, стоит на твоих коленях. Поэтому ты не знаешь, когда она переполнится, и рискуешь облить самого себя.

Продолжая медленно наполнять чашу, ученик спросил:

— Значит, христианин не должен наполнять чужую чашу терпения?

— Не только, — ответил учитель, — в том, что ты оберегаешь свои же колени добродетели и заслуги нет.

— Так что же он ещё должен делать? — спросил недоумённо ученик, не открывая глаз.

Учитель снял с его колен практически полную чашу и, вылив её содержимое обратно в кувшин, добавил:

— Христианин должен также следить за тем, чтобы его чаша на чужих коленях никогда не переполнялась.

УЧИТЕЛЬ И СВЕЧА

Один мудрец нередко рассказывал своим ученикам о старце, который был его учителем. Однажды, когда ученики спросили его о том, какие слова и наставления оставил ему его учитель перед тем, как попрощаться навсегда.

Мудрец ответил:

— Учитель сказал мне: «Неся свет познания, уподобляйся свече, строго соблюдая её нехитрые правила».

— Правила свечи? — удивились ученики.

— Их всего два, — пояснил мудрец. — Первое правило — разумная скупость: дарить свет знаний следует лишь тем, кто готов их принять. Божественный свет необходим многим людям, поэтому не трать время и силы на тех, кто его не оценит, или еще хуже, будет глумиться над ним. Второе правило — правило фитиля: дарующий знания должен и сам следовать тому,

чему учит других с постоянством пламени свечи, которое как ни горит, но всегда держится фитиля. Иначе деятельность принесёт больше вреда, чем пользы.

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ, ЧТО ПЛОХО ЖИВЕШЬ

Никогда не говори, что ты плохо живешь. Бог услышит твои слова и скажет: "Ты не знаешь, что такое плохая жизнь", и даст тебе судьбу еще хуже. Чтобы ни случилось, говори: "Хорошо живу", тогда Бог скажет: "Ты не знаешь, что такое хорошая жизнь", и даст тебе судьбу гораздо лучше.

МИРСКИЕ СОКРОВИЩА

Один старец был бедным человеком, хотя к нему съезжалось много учеников. Однажды, один из учеников спросил его:

— Учитель, слава твоя гремит по всей стране, ты мог бы быть богатым человеком, не знаящим, что такое забота о завтрашнем дне. Почему же ты не стремишься к богатству?

— У меня есть всё, что мне нужно для жизни, — ответил старец.

— Но ведь ты мог бы иметь гораздо больше — возразил ученик.

— Человек, собирающий богатство, похож на путника, несущего с собой мирские сокровища. И вот видит он лестницу к Богу, по которой можно подняться, но для этого нужно бросить всё то, что он нёс с собой. Многие отказываются бросать свой груз, так и не попадают к Богу. Ведь их любовь к богатству намного превосходит любовь к Богу. Они даже начинают убеждать себя в том, что этой лестницы не существует.

Старец сделал небольшую паузу, а потом добавил:

— Так есть ли смысл собирать то, что станет препятствием на пути к Богу?

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

После Никейского собора (325) возможности вероучительных разногласий, подобные тем, о которых мы только что рассказали, значительно сузились. Созванный ради преодоления споров о Троице, вызванных учением Ария, собор определил учение Церкви в виде Символа, который необходимо знать, потому что он устанавливает рамки, отныне строго ограничивающие христианскую мысль: «Веруем во единого Бога Отца всемогущего (pantokrator), который сотворил (poiēten) все вещи — видимые и невидимые. И во единого Господа Иисуса Христа, Единородного, то есть от субстанции (ousias) Отца, Бога от Бога, света от света, истинного Бога от истинного Бога, рожденного, не сотворенного, единосущного (omoousion) Отцу, которым все сотворено (ta panta egeneto) — как то, что на небе, так и то, что на земле; который ради нас и нашего спасения сошел с небес, воплотился, пострадал и воскрес на третий день, восшел на небеса, и придет судить живых и мертвых. И веруем в Святого Духа. Что до тех, которые говорят, что было время, когда Его не было, или Его не было, пока Он не был рожден, или что Он создан из ничего, или из иной ипостаси, или из иной субстанции (hypostaseōs e ousias), или что Сын Божий сотворен (ktiston), или изменчив, или подвержен изменениям, — таковых вселенская (catholique) апостольская Церковь анафематствует».

После такого заявления рассуждения о Слове могли заключаться либо в комментировании этого заявления, либо в противостоянии ему в виде ереси, осознаваемой как таковая. Вот почему греческие посленикейские теологии кажутся более подозрительными в отношении философской спекуляции, нежели доникейские. Правда, христианские писатели IV века еще находятся в непосредственном контакте с классической греческой культурой, которой все они по-прежнему обязаны первоначальной интеллектуальной подготовкой. Порой они сурово осуждают ее лишь потому, что сами защищаются от ее силы и влияния. Евсевий Кесарийский, родившийся около 265 г. в Кесарии (Палестина) и умерший епископом этого города в 339 или 340 г., был более историком, чем философом. Однако, помимо своей «Хроники» из всеобщей истории и знаменитой «Церковной истории», он оставил значительное апологетическое наследие, в котором выделяются «Подготовка к восприятию Евангелия» и «Доказательство в пользу Евангелия» — обоснование христианской религии, направленное против язычников. Евсевий хочет показать, что христианин может знать не меньше, чем язычники. Читая эти книги, наполненные текстами и цитатами самого разного рода, ощущаешь их некоторую чрезмерность, однако вся необъятная эрудиция автора пронизана мыслью о действительном родстве между христианской идеей и всем лучшим, что было в греческой философии.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

После того, как появился человек, — плод шестого дня Сотворения, — в мире ощущается таинственное и вселяющее тревогу присутствие змия. Того самого, который взял в оборот прародителей, поставив себе целью поразить и смутить их: внушить им подозрение по отношению к Богу, то есть, убедить их, что Его запреты объясняются ревностью и страхом, что люди могут уподобиться Ему. С самого начала сотворения мира и его истории змий воплощает присутствие зависти: «Завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его» (Книга премудрости Соломона, 2, 24). В Новом Завете часто возвращаются к этому змию. Иисус ссылается на него, говоря, что дьявол был «человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин, 8, 44). Иисус называет его также «князем мира сего» (Ин, 12, 31; 16, 11).

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Разумеется, речь идет прежде всего о Платоне. Евсевий не устает напоминать, что практически по всем вопросам Платон сам искажал собственную истину, примешав к ней некоторые заблуждения. В то же время Евсевий заявляет, что Платон фактически признавал того же Бога, которого признавал и Моисей, — впрочем, благодаря заимствованиям; что он превосхитил догмат о Троице; что в своем «Тимее» он постиг истину о сотворении мира почти в том же виде, в каком его описывает Библия; что Платон признавал существование и значение идей, исходящих от Слова, и подобно христианам учил о бессмертии души. Заметим, однако: вместе с Евсевием мы вступаем в эпоху, когда при упоминании христианским писателем имени «Платон» часто нужно понимать его как «Плотин» (ум. в 270); или, более того, понимать, что у Оригена имеется в виду учение Аммония Саккаса (его учителя, а также учителя Плотина), идеи которого нам известны, к сожалению, лишь благодаря этим двум прославленным ученикам.

После своего бегства из Александрии Ориген основал школу в Кесарии Каппадокийской, где вначале учился Григорий Назианский (Назианзин), которого часто называют Григорием Богословом (329—389). Он продолжал занятия в Афинах, в компании одного из своих соучеников по Кесарии, который в будущем стал св. Василием Великим. Григорий, по-видимому, довольно долго оставался в Афинах, где впоследствии преподавал риторику. Крестился он лишь около 367 г. после своего возвращения в Кесарию. Рукоположенный в пресвитеры, затем возвысившийся до епископа — при этом, как представляется, не стремясь ни к тому, ни к другому, — он всегда оставался оратором, писателем, поэтом, избегавшим бремени общественной жизни, и был обращен к жизни внутренней, к аскезе и созерцанию. Своим почетным титулом — Григорий Богослов — он обязан пяти проповедям (XXVII—XXXI) из сорока пяти дошедших до нас, впоследствии обозначенных даже особым названием — «Пять слов о богословии» (380). Они содержат изложение догмата о Троице, ставшее классическим в истории христианской теологии, и ярко отображают интеллектуальную атмосферу, в которой жили христиане в эпоху, когда эти проповеди были произнесены.

Говоря об отцах Церкви, мы обращаем внимание прежде всего на использование ими философии для формулирования догмата и рискуем забыть об их противниках, которые в ту эпоху, напротив, пытались воспользоваться христианской верой, чтобы обогатить ею свою философию. По-видимому, ересь Ария в значительной степени возникла из желания ввести христианскую веру в границы разума. Григорий Назианзин и Василий Великий столкнулись с позицией, аналогичной позиции деистов XVII века (то есть с намерением рационализировать христианские догматы), которую спонтанно пытались осуществить умы, особенно чувствительные к объяснительной силе христианской веры, но склонные свести ее тайны к нормам метафизического знания. Явно чувствующееся в арианстве стремление к рациональности во многом содействовало его громадному успеху, и нельзя забывать, что ставкой в борьбе, которую вели против него отцы Церкви, фактически была сама христианская религия. Речь шла о том, что либо метафизика поглотит догмат, либо догмат поглотит метафизику. Григорий Назианзин имел перед собой конкретного — и достойного — противника в лице ариана Евномия (ум. ок. 395). С точки зрения главы секты и его учеников мир зависит от единого Бога, понимаемого как сущностно высшая сущность, субстанция, или реальность (ousia). Абсолютно простая, эта божественная сущность исключает всякую множественность атрибутов. Все, что можно о ней сказать, это то, что она есть — в абсолютном смысле. Как и в учении самого Ария, Бог у Евномия характеризуется в первую очередь необходимостью быть, каковая характеристика определяла и ousia Платона. Таким образом, Бог понимается прежде всего как «не ставший», или «не рожденный», то есть он обладает уникальным преимуществом «нерождаемости». Отсюда, естественно, вытекает следствие, что Слово, которое есть Сын, будучи рождено, совершенно не подобно (апотоиос) Отцу и ни в коем случае не единосущно (homoousios или omoousios) Ему. Как и демиург из «Тимея», который сотворил богов и сделал их бессмертными, Бог у Евномия мог бы говорить о Сыне как о «приемном боге»; вначале Он приобщил Сына к своей собственной божественности и славе, но не сумел преодолеть противоречия — сделать так, чтобы рожденный стал единосущен нерождаемому.

Иногда Евномия упрекали в том, что для согласования своих взглядов с догматом он прибегал к «софизмам». Пожалуй, это значит не понимать его намерений. Евномий не пытался заключить тайну в некую формулу, чтобы ее охарактеризовать и определить ее место, но пытался свести ее в план умопостигаемого. С этой точки зрения его логика верна. Если Сын единосущен Отцу, то Отец породил Самого Себя, и от Него родилась нерождаемость. Так же, как и диалектики XII века, Евномий не сделал другой ошибки, кроме попытки снять тайну во имя логики: если он рожден (говорил он о Сыне), то, значит, до рождения его не было. Вместо того чтобы говорить о христианском Боге на языке Платона, Евномий делает демиурга у Платона Отцом христианского Слова.

Тем самым можно лучше понять одну из наиболее характерных черт позиции Григория Назианзина и смысл его творчества. В великолепной XXXVI проповеди, озаглавленной «О себе самом», когда Григорий хочет объяснить, почему в Константинополе у его кафедры собиралось столько слушателей, то главной причиной называет ту, что в эпоху, когда всем завладела философия, сам он принадлежал лишь к источнику веры. Философам, софистам и мудрецам его времени недоставало именно мудрости.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

Павел утверждает, что «змий хитростью свою прельстил Еву» (2 Кор, 11, 3); и указывает на тех, кто совратился «вслед за Сатаню» (1 Тим, 5, 14). Этот же апостол говорит о тех, которые жили «по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф, 2, 2); упоминает о «кознях дьявольских» и о нашей битве «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф, 6, 12).

Первое Послание Петра упоминает «противника», «дьявола», который «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (5, 8). И в Посланиях святого Иоанна говорится об «антихристе», который должен прийти (1 Ин, 2, 18); «лжец», отвергающий, что Иисус есть Христос; «антихрист, отвергающий Отца и Сына» (2, 22).

В Книге Откровения говорится: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаню, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (12, 7-9).

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Если представить их сидящими в лодке, то она поплыла бы быстрее, обратись они к нравам и вере христиан, — вот истинное лекарство. Призывом того же рода начинает Григорий в XXVII проповеди свои «Слова о бого-словии». Обращаясь к последователям Евномия, он убеждает их сначала вернуться к простоте веры, что невозможно, если прежде они не очистятся от своих пороков и не займутся размышлением над Писанием, — не для того, чтобы о нем судить и критиковать его с точки зрения философии (XXVII, 6), но чтобы ему покориться. Это не означает, что сам Григорий отказывается философствовать. Наоборот, он требует права спорить о мире или мирах, о материи, душе, разумных существах, добре и зле, о воскресении, о суде, о страданиях Христа, о воздаянии и наказании. Это вполне правомерно, только делать это надо с умеренностью, научившись из Писания, чтобы потом научить других. Вот что такое на самом деле теология (Проповедь XXVIII) — это не «теология язычников», которые свысока судят обо всем, но теология христиан, которые благоговейно останавливаются перед непостижимостью Бога.

Опираясь одновременно на Писание и на разум, Григорий прежде всего устанавливает, возражая Эпикуру, что Бог не есть тело, что Он не окружен каким-либо пространством, а затем, извиняясь за то, что он как будто уступает страсти спорить обо всем на свете, господствовавшей в его время (Проповедь XXVIII, 11), принимается излагать пункт за пунктом христианское понятие о Боге, по крайней мере в том виде, в каком оно нам доступно в свете того, чему Бог нас научил. Ибо именно в этом сущность и отправная точка философии (XXVIII, 17): если, как учат сами философы, Бог непостижим, то наш единственный шанс познать Его — это, прежде всего, изучить сказанное о Нем Им Самим. Только на этой почве Григорий готов размышлять, и защищенный такой гарантией, делает это без колебаний. Существование Бога можно открыть исходя из устройства мира, ни существование, ни упорядоченность которого нельзя разумно объяснить игрой случая. Следовательно, чтобы обратиться к разуму, нужно допустить бытие Логоса. Если таким путем мы можем узнать, что Бог есть, мы все же не можем знать, каков Он. Окружающая Его тайна учит нас смирению, но одновременно побуждает к исследованию. Безусловно, мы заранее знаем, что наши усилия в большой степени останутся тщетными. Тело человека располагается между его душой и Богом. К понятиям, которые мы о Нем вырабатываем, неизбежно примешиваются чувственные образы и делают невозможным постижение Бога таким, каков Он есть. Самое полезное, что мы можем сделать, чтобы приблизиться к подлинному познанию божественной природы, — это отрицать то, что заведомо нельзя ей приписать. Мы уже говорили, что Бог не есть тело, даже столь тонкое, как эфир, ибо Он прост; но Он также не свет, не мудрость, не справедливость и не разум — по крайней мере, в том значении, которое имеют эти слова у нас. Единственные атрибуты, приближающие нас к позитивному знанию о Боге, суть те, что определяют Его как бытие: бесконечность и вечность. Как Он Сам сказал Моисею, Бог есть Сущий, и огромная заслуга Григория Назианзина заключается в том, что он придал этому понятию максимально возможный положительный смысл; это неоднократно отмечали христианские мыслители средних веков. Используя формулу, которую впоследствии будет пропагандировать Иоанн Дамаскин, Григорий сравнивает Бога с «океаном реальности (pelagos ousias), бесконечным и безграничным, полностью отделенным от природы и времени». Все эти понятия, близкие сегодня каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с естественной теологией любого христианского автора, были впервые собраны и сформулированы изящным языком и понятными всем словами в творениях Григория Назианзина. Но на пороге тайны Григорий всегда почтительно останавливается. Как Отец мог породить Сына и как Сын мог быть рожден? Мы этого не знаем. Лучше обнаружить некоторую наивность, чем с ожесточением, как Евномий, стремиться свести тайну к логике. Отец, говорит Евномий, породил нечто или существующее, или не существующее и так далее. Тщетные вопросы! Не означают ли они, что рождение Отцом Слова представляется чем-то похожим на рождение человека? Нет ничего более легкомысленного. Тот факт, что сам Григорий при описании тайны пользуется философскими терминами, ни в коем случае не значит, что он пытается ее разъяснить и в конце концов устранить. Э. Пюш с полным основанием сказал: «Григорий — глубоко верующий христианин. Хотя развертыванию его теологии способствовали некоторые идеи неоплатонизма, хотя то, что было самого возвышенного у киников и стоиков, частично вошло в его аскетический идеал, — его мысль и его жизнь во всем направлялись верой. Однако он хранил укорененную в его сердце античную, эллинскую любовь к литературе, любовь к поэзии и риторике. Он никогда не думал от нее отказываться и находил себе извинение и утешение в том, что веру открыло нам божественное Слово. Значит, возвещать ее должно человеческое слово. Божественное Слово покровительствует красноречию и оберегает его: Logos поощряет logoi. Для Григория это не простая игра слов — для него это сама истина». Лучше не скажешь; добавим только, что, если оставить в стороне конкретные формулировки, подобная позиция характерна для всех троих великих каппадокийцев.

Св. Василий, или Василий Великий (330—379), уроженец Кесарии Каппадокийской, был там соучеником Григория Назианзина, с которым позднее вместе учился в Афинах. Тот факт, что он изучал медицину, во многом объясняет позитивный дух и научность его экзегетических произведений. Крещенный после возвращения в Кесарию, Василий отправился к прославленным аскетам Сирии, Египта и Палестины, основал центр монашества и был автором Устава, который до сих пор носит название «Правило Василия Великого». Посвященный в пресвитеры, позднее он сменил Евсевия на епископской кафедре в Кесарии, которую занимал до конца своих дней.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

Между этими текстами и толкованием Иисуса о дьяволе, человекоубийце и лжеце от самого начала, существует совершенное согласие: речь идет о существе, враждебно настроенном по отношению к Богу, цель его заключается в том, чтобы пошатнуть достоверность Слова; и он одновременно враждебен к человеку, стремясь соблазнить его и побудить восстать против Божьего замысла. Этот змий — воплощенное зло. Толкователи особенно сходятся в том, что дьявол направляет свою враждебность именно на Иисуса Христа. Таким образом противопоставляются два царства: Царство Иисуса и царство князя мира сего. Демон не может больше терпеть Иисуса Христа и старается всеми способами извратить Божий замысел о Спасителе. Так было и в пустыне. Но Иисус провозглашает Себя победителем этого князя: «Идет, — заявляет Он, — князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин, 14, 30); точнее, именно к наступлению часа Иисуса, — Его вознесения на Крест и Вознесения одесную Отца, этот князь повергается в прах: «Сейчас свершится суд мира сего; сейчас князь мира сего будет сброшен». С изливанием Духа прославленным Господом этот князь обретает свое осуждение (Ин, 16, 11). Павел особо подчеркивает господство Воскресшего: в Нем Отец «избавил нас от власти тьмы и ввел в Царство возлюбленного Сына Своего» (Кол, 1, 13), и «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (2, 15).

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Среди произведений Василия Великого есть маленький трактат, озаглавленный «Молодым людям о том, как извлечь пользу из эллинских писаний»⁹⁹. В ту эпоху остро стояла проблема научения юных христиан в условиях, когда все литературные, нравственные и философские сочинения на греческом языке были произведениями языческих писателей и отражением языческой культуры. Василий решил эту проблему не без изящества, сам подавая пример творений, расцвеченных цитатами и примерами из античности, но оживотворенных истинно христианским духом. Призывая своих читателей быть настороже в отношении аморализма и безбожия языческих сочинений, Василий подчеркивает, что из них можно извлечь пользу для формирования вкуса и культуры добродетели. Часто полезны не только нравственные предписания древних, — если им следовать, вместо того чтобы просто читать, — но и примеры, которые они нам оставили: они нередко заслуживают подражания, если только помогают возвысить нашу душу и освободить ее от рабства телу, в чем состоит долг всякого христианина. Это превосходное сочинение, естественно, станет программой христианских эллинистов XIV—XV веков, и Леонардо Бруни, переведший Василия Великого, сочтет вполне оправданной свою работу над переводами Плутарха и Платона.

Но не в этом заключается величие св. Василия: оно прежде всего — в его труде как теолога. Подобно Григорию Назианзину, он находился в суровой оппозиции к философствованию Евномия и его приверженцев. В трактате «Против Евномия». Василий высмеивает противника, который, настойчиво заявляя о своей приверженности вере и преданию отцов, считает уместным, подобно Аристотелю и Хрисиппу, прибегать к силлогизмам, чтобы доказать, будто нерожденный Бог не может быть рожден ни Самим Собой, ни кем-то другим. В действительности же Евномий тем самым лишь подводит нас к выводу, к которому сам он шел уже давно: поскольку Сын рожден, Он не может быть единосущен Отцу. Он подходит к этому издавала, начиная, как пронизательно отмечает Василий, с предлагаемого им определения Бога, ибо всякий христианин с готовностью согласится, что Бог есть непорожденная сущность, но не в том смысле, что «непорожденность», или «нерождаемость», — это сама субстанция Бога, как утверждает Евномий. Это слово с чисто отрицательным частным значением не может должным образом выразить положительную полноту божественной сущности. Согласно Евномию все имена, которые мы даем Богу, синонимичны и в конечном счете не означают ничего, кроме того, что Он непостижим. Василий энергично восстает против этого тезиса и утверждает, что хотя никакое имя удовлетворительным образом не отражает полноты Бога, тем не менее каждое из них обозначает либо то, что Он бестелесен, либо то, что Он — некая положительная противоположность материальному. Праведный, Творец, Судья — это имена второго рода. Но имя, которое лучше всего подходит Богу, — это Сущее (ousia), и обозначает оно именно само бытие (auto to einai tou theou) Бога, так что в высшей степени абсурдно подсчитывать число отрицаний (1,10). Следовательно, надо исходить не из заявляемой Евномием «нерожденности», поскольку тем самым делается невозможной и единосущность Сына Отцу, а из бытия, которое, напротив, делает возможной общность бытия (to koinon tes ousias) Отца и Сына. Здесь мы очевидным образом присутствуем при столкновении двух несовместимых спекулятивных позиций; ибо, хотя и Евномий, и Василий провозглашают себя христианами, один исходит из абстрактных дефиниций, из которых он выводит логические следствия, тогда как другой исходит из христианской веры, взятой во всей ее конкретности, и описывает ее содержание.

В историко-философском плане среди произведений св. Василия наибольший интерес представляет сборник, состоящий из девяти бесед (гомилий) о шестодневе, то есть о шести днях творения. Это произведение стало прототипом целого жанра сочинений, во множестве появившихся в средние века. «Шестоднев» (Hexaëmeron) — это, по существу, комментарии к главам библейской книги «Бытие», в которых речь идет о сотворении мира, причем автор использует священные тексты для развития своих философских представлений или соответствующих научных понятий. Благодаря своему характеру подобное произведение не содержит систематического изложения доктрины, но оно дает возможность познакомиться с позитивными взглядами автора на предмет и получить на основе рассмотренного более или менее удовлетворительное рациональное объяснение. Такова вкратце особенность этих «Бесед». Здесь напрасно было бы искать собственно философию, но можно встретить изрядное число понятий, раскрывающих структуру мира и структуру существ, его населяющих.

Природа — творение Бога, который создал ее во времени, вернее, создавая ее, создал и время. Создать ее — значит произвести все, что в ней есть, включая материю. Следовательно, нельзя воображать какую-то первоначальную всеобщую материю, из которой Бог сформировал все существа. В самом деле, каждый класс существ получил от Бога соответствующий ему род материи: у неба — один род материи, у земли — другой. Желание таким образом полностью устранить платоновское понятие несотворенной материи приводит св. Василия к критике понятия первоматерии, которая любопытным образом предвосхищает современную критику понятия субстанции. Не будем искать, говорит он в своих «Беседах» (I, 8), чего-либо, что, взятое само по себе, не имело бы природы и свойств. Подумаем лучше о том, как то, что можно наблюдать в предмете, способствует формированию его сущности и придает ему определенную степень совершенства. Если мы будем одно за другим удалять из предмета все его свойства в надежде добраться до материи как таковой, то в конце концов мы дойдем до ничто.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

Христиане стали причастниками господства Иисуса над демоном: «и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, (...) и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф, 2, 5-6).

Даже будучи окончательно побежденным Господом, демон все еще пытается строить козни и ловушки испуганному человеку. Поэтому следует быть бдительными. Петр говорил о его рычании и неугасшем желании вредить; Павел призывает вооружиться щитом веры, чтобы отражать «все раскаленные стрелы лукавого» (Еф, 6, 16). А Сам Иисус учил молиться, прося Отца освободить нас от лукавого (Мф, 5, 13).

Многочисленные толкования о змие, который появляется у истоков человечества, побуждают нас к некоторым соображениям. Во-первых, это давняя и решенная до сотворения человека «история» о произошедшей на небе войне (Откр, 12, 7), то есть, о восстании в мире ангелов: не просто восстании, а направленном на конкретный и извечный божественный замысел, Которым лично является Иисус Христос.

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Лишим предмет его цвета, температуры, веса, плотности, запаха и всех прочих воспринимаемых свойств, — и у нас не останется ничего, из чего бы мы могли извлечь некий субстрат.

Структура мира у Василия Великого приобрела все основные черты, которые были характерны для нее в средневековье вплоть до конца XIV столетия. Вначале четыре элемента были смешаны, но затем каждый занял свое естественное место: наверху — огонь, затем — воздух, вода и земля. Огонь образует субстанцию небес и простирается до вод по одну сторону тверди (Быт. 1:6); по другую сторону ее находятся воздух и более тяжелые воды, которые образуют облака. Свет был сотворен тотчас после выше названных элементов и, следовательно, прежде самого Солнца, которое было сотворено позже, чтобы нести свет и передавать его. Сразу же после сотворения Солнца воздух получил свет, который распространился мгновенно. Каждый элемент обладает характерным свойством: огонь — горяч, вода — холодна, воздух — влажен, земля — суха; но они никогда не предстают перед нами в своей первозданной чистоте, и каждый элемент может смешиваться с другими, передавая им некоторые собственные свойства: холодная и сухая земля может соединиться с водою, которая холодна и влажна, а вода, в свою очередь, может соединиться с воздухом, влажным и горячим; воздух соединяется с огнем, который горяч и сух, что возвращает нас к земле — холодной, но сухой. Это согласие, или гармония, элементов делает возможными их комбинации, которые представляют собой самую ткань миропорядка. Представления о растениях и животных, содержащиеся в трудах Василия Великого, заимствованы в основном у Элиана, Оппиана и Аристотеля. Эти представления, естественно, не лишены всяческих небылиц, но, как это не раз справедливо отмечено (Б. Гейер), в его описаниях животных нет столь распространенной позже тенденции усматривать в каждом их виде аллегорическое изображение некоторой моральной истины. Источником «морализаторских бестиариев», которые вскоре заполнили весь средневековый мир, был знаменитый «Физиолог», автор которого неизвестен, но, по-видимому, был уроженцем Александрии. Хорошо, что Василий Великий избежал его влияния, но жаль (если не для художников, то во всяком случае для мыслителей), что его собственное влияние впоследствии не стало преобладающим. Его «Шестоднев» тоже не стал в значительной мере примером для бесчисленных сочинений такого рода, и св. Амвросий, который перевел его на латинский язык, стал первым, кто ему подражал.

О Василии Великом невозможно говорить вне связи с его младшим братом — св. Григорием Нисским (ок. 335 — после 394). Учившийся под руководством Василия и испытавший его мощное влияние, Григорий сохранил индивидуальность своего духа, и его творчество — отнюдь не простое отражение творчества его брата. Из произведений Григория Нисского для нас наиболее важны три: трактат «Об устройении человека», известный в средневековье под названием «Об обязанности человека» («De hominis officio»), «Комментарий к Песне Песней и о восьми блаженствах» — произведение совсем иного рода, которое оказало глубокое влияние на средневековую мистику, и «Беседа с Макриной о душе и бессмертии».

Вселенная делится на две области — мир видимый и мир невидимый. Своим телом человек принадлежит к видимому миру, своею душой — к невидимому и служит, таким образом, связующим звеном между двумя мирами. Занимая такое положение, он находится на вершине видимого мира, являясь животным, наделенным разумом. Ниже него располагаются животные, которым свойственны лишь чувства, движение и жизнь; еще ниже находятся растения, которые не имеют совершенной души, поскольку способны лишь расти и питаться; затем следуют безжизненные тела, лишенные жизненной силы и самой возможности жизни. В человеке содержатся все ступени жизни: он растет подобно растениям, двигается и ощущает подобно животным и мыслит, поскольку он человек. Однако не следует считать, что он обладает несколькими душами: его разум заключает в себе способность жить и чувствовать. Принципиальную трудность представляет собой объяснение единства души и тела. Григорий Нисский не считает, что в состоянии разрешить эту проблему, но он способен по крайней мере объяснить ее сложность.

Душа, по определению, есть животворящее начало тела. Душа человека — это сотворенная, живая и мыслящая субстанция, которая сама собой придает организованному и способному чувствовать телу жизнь и чувствительность. Если учесть, что Григорий Нисский явным образом включает в душу разум, то можно сказать, что его определение совпадает с тем, которое много веков спустя принял Фома Аквинский. Григорий решительно отбрасывает возможность существования души до тела (тезис Оригена). Неизбежным следствием этого является утверждение о переселении душ, для христианина не только неприемлемое, но и противоречащее явному различию животных видов. Допустить, что любая душа может оживить любое тело, — это все равно что сказать: все тела — люди, растения и животные — имеют одну природу. Так же как душа не существует до тела, она не может быть создана после него, ибо безжизненное тело — не тело, а труп. Если существование тела как такового обусловлено присутствием души, то тело не может предшествовать душе. Следовательно, необходимо, чтобы тело и душа были сотворены Богом одновременно. Сотворить единство тела и души — значит в точности сотворить человека.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

Восставшие ангелы проявили гордыню против Иисуса, «Первенца всего творения», и следовательно, Первенца также и над ними. Таким образом, становится понятно, почему жизнь Иисуса переплетена присутствием и ухищрениями дьявола; и наоборот — от вести о Его рождении до Вознесения — она сопровождалась и утешалась присутствием ангелов, которые радовались о Нем и вместе с Ним являются победителями дракона и его спутников, изгнанных и низверженных с неба, как утверждает Книга Откровения. Сам Иисус утверждал, что видел «Сатану, спавшего с неба, как молнию» (Лк, 10, 18), и говорил об «огне вечном, уготованном дьяволу и ангелам его» (Мф, 25, 41).

Мы говорили об истории, которая предшествует истории человека: нам известно то, что как бы возникает из скрытой панорамы, которая ускользает от нас, о чем мы теперь можем только догадываться.

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Трудно сказать, считал ли Григорий Нисский, что сотворение человека происходит одновременно с его зачатием родителями, или же он видел в нем передачу жизненного принципа, сотворенного Богом в начале мира, но он вполне ясно высказывается относительно развития человеческого существа. Человеческий зародыш, произведенный в момент зачатия, уже заключает в себе, хотя он пока и невидим, всего человека. Присутствующая в нем с самого начала душа постепенно выстраивает человеческое тело и разворачивает его способности в той мере, в какой она дает ему органы, необходимые для их реализации. Философы помещали душу в разных местах тела, однако нужно скорее допустить, что, поскольку тело живет всеми своими органами, душа в теле одновременно присутствует повсюду. Ее присутствие и ее действие обнаруживаются во всех частях тела, которые так хорошо устроены; если какой-то орган болен или ослаблен, то душа больше не может им пользоваться, подобно тому как и самый лучший музыкант не в состоянии играть на разбитом инструменте. Связанная таким образом с телом, душа никогда с ним не разлучается. Любопытным образом предвосхищая идеи, которые впоследствии будет отстаивать Лейбниц, Григорий считал, что даже после смерти человека душа не отделяется от элементов, которые составляют его тело. Пускай они теперь рассеяны, но душа нематериальна и поэтому может оставаться соединенной с этими элементами, находящимися в некоем состоянии дисперсии и смешанности. Как было верно замечено, Григория привели к такому выводу две христианские идеи: «Прежде всего — это учение о воскресении тел, то есть именно тех тел, в которых люди умерли; с другой стороны, это христианское чувство единства человеческой природы, состоящей из души и тела: платоновский дуализм преодолен здесь до такой степени, что разделение двух сущностных составляющих человека представляется абсолютно невозможным» (Ф. Бёнер).

Человек — мыслящее животное, потому что он обладает мышлением (*nous*), которое выражается в слове (*logos*). Наличие мышления проявляется в образе поведения человека и в том, что он упорядочивает окружающую его действительность. Но порядок наличествует и в самом мире. Нетрудно заметить гармоничное смешение элементов в существах определенной структуры. Для философов вроде эпикурейцев, которые ограничивают реальность видимым и осязаемым, эта картина не представляет никакой проблемы. Но для тех, кто, наблюдая движения человеческого тела, приходит к выводу о существовании управляющего ими мышления, естественно также, наблюдая картину Вселенной, прийти к выводу о существовании Мышления, ее создавшего и ею управляющего. В самом деле, безразлично, доказываем ли существование души через существование Бога или же существование Бога — через существование души; но если стремишься познать природу Бога — в той малой степени, в которой она познаваема, — то следует исходить именно из творения. Потому созданный по образу Божию человек является отправной точкой.

Мы обладаем словом (*logos*), то есть рациональным выражением нашего мышления (*nous*). Следовательно, Бога нужно рассматривать прежде всего как высшую Мысль, порождающую Слово, в котором она себя выражает. Поскольку речь здесь идет о божественном Слове, его не следует представлять изменчивым и мимолетным, как наше, но вечно пребывающим и живущим собственной жизнью. Будучи живым, Слово обладает волей, а эта воля, будучи божественной, и всемогуща, и блага. Как наше порождаемое разумом слово имитирует вечное порождение божественного Слова и как его нераздельность с нашим мышлением выражает единственность Слова и Мысли, так же и дыхание, исходящее из нашего одушевленного тела, имитирует исхождение Святого Духа, а поскольку дыхание возникает благодаря единству души и тела, то и Святой Дух исходит одновременно от Отца и Сына. Таким образом, разум свидетельствует об истинности догмата о троичности и подтверждает превосходство христианского понятия о Боге над понятиями иудеев и язычников. Ибо иудеи знают о единстве божественной природы, но не знают различия Лиц, а язычники умножают лица, не зная о единстве их природы. Усилия Григория Нисского диалектически рассмотреть три Лица Троицы вполне правомерно сопоставить (Б. Гейер) с подобными же усилиями св. Ансельма Кентерберийского и Рихарда Сен-Викторского. Сравнение со св. Ансельмом имеет тем более глубокий смысл, что обеим доктринам свойствен некоторый платонизм по отношению к сущности: если признавать, что Петр, Павел и Варнава суть три разные личности, хотя есть лишь одна человеческая сущность, то легко понять, что есть три божественных Лица, и тем не менее есть только один Бог. Различие состоит в том, что наш язык предписывает нам говорить, что Петр, Павел и Варнава — это три разных человека, тогда как мы истинно говорим об Отце, Сыне и Духе как о едином Боге.

Творец мира и человека, Бог все произвел из ничего свободным актом своей доброты. Сам факт, что создания извлечены из небытия, обрекает их на изменчивость. В частности, изменчивы человек и его свободная воля. Способный выбирать между добром и злом, человек выбрал зло. Впрочем, правильнее было бы сказать, что человек сделал плохой выбор, ибо зло не является позитивной реальностью, которую можно выбрать; все сводится к чисто негативному факту — человек выбрал не так, как должен был выбрать.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

Второе соображение касается впечатляющей силы сатаны: он настолько сильный и упорный, что только сила Сына Божия может сломить его и победить; и больше того — это сила Сына Божия, пригвожденного к Кресту, то есть, пребывавшего в ситуации крайней человеческой слабости, которая, парадоксальным образом, без труда становится абсолютной силой. Дьяволу удается вовлечь все и вся, но против Иисуса он бессилен. Распятый и Воскресший Господь воссоздает побеждающее человечество, освобождая его от порочного влияния зла.

Привлекательность демона заменяется привлекательностью Христа, Который заявляет: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин, 12, 32). Только разделяя силу умершего и прославленного Иисуса, мы можем противостоять обольщениям змия.

Тем не менее, может возникнуть вопрос: несомненно, падение ангела и человека зависит исключительно от свободной воли творения; а также: прощение человека было включено в милосердную любовь Отца, Который предназначил Сына Своего Иисуса стать Спасителем; но почему конкретный порядок, избранный Богом, включает это падение, а следовательно, и реальность греха? На это мы можем ответить: это относится к «ведению Божию», к Его «непостижимым судьбам» и «неисследимым путям Его» (Рим, 11, 32-34).

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

В этом смысле можно утверждать, что человек сделался творцом и демиургом зла. Как повторит позднее св. Бернард Клервоский, непосредственным следствием греха стало то, что сияющий образ Бога в человеке покрывался чем-то вроде ржавчины. Сотворенные подобными нашему Творцу, мы неузнаваемо изменились, и это разуподобление словно выплеснулось из души на тело. Грех состоял в том, что мы предпочли чувственное божественному, и с этого момента в человеке преобладает чувственное. Тело, зараженное грязью души, с которой оно нераздельно, стало смертным. Но Бог предвидел грех и его последствия. Чтобы, несмотря ни на что, обеспечить продолжение человеческого рода, Бог сотворил человека мужчиной и женщиной. Таким образом, различие полов возникло если не вследствие греха, то вследствие его предвидения Богом. Без первородного греха в чисто духовном плане люди были бы многообразными, подобно ангелам; сугубо животный способ воспроизведения, ставший необходимым для людей, отражает степень удаленности их от Бога, их разуподобления Ему. Это одно из последствий греха, которое должно быть устранено возвращением к Богу.

Это возвращение произойдет, и в каком-то смысле оно затронет и тело. Связанные с этим грубые представления скрывают воображение, но если обратиться к лучшему из того, что Григорий Нисский называет «научениями философии извне», то такая возможность осуществима. Некоторые еще задаются вопросом, каким образом материя может исходить от Бога, который нематериален, невидим, безмерен и безграничен? Но подобных качеств нет и у материи. Легкость, тяжесть, количество, качество, форма и пределы содержатся в ней только как чистые понятия (ενοιαί και ψαλα ποεματα). Мысль, анализирующая материю, разлагает ее на элементы: взятые сами по себе, они являются объектами умопостигаемого знания, но лишь определенная их комбинация, или совокупность, производит смешение, которое мы называем материей. Когда Моисей сказал, что Бог сотворил небо и землю, то он говорил о небе и земле именно как об объектах наших ощущений; но изъяснялся он таким образом потому, что обращался к простым людям, которые интересовались только чувственным. Однако необходимо понять, что умопостигаемое есть сама субстанция, из которой происходит чувственно воспринимаемое. То, о чем рассказывает Книга Бытия, — это прежде всего творение умопостигаемых существ (intelligibles), которые являются основой реальности. Таким образом понятно, что спасение может и должно быть именно таким — не одной только души, но человека в целом.

Само дело спасения не совершится без упорных усилий воли, но в первую очередь для него необходима благодать. Человек спасается, восстанавливая подобие Богу, которое грех не уничтожил полностью, а лишь затмил. Так как речь идет в некотором роде о новом творении (recreation), то вмешательство Творца необходимо. Поскольку все зло явилось из-за утраты человеческой любви, обратившейся от Творца к твари, целебное средство может заключаться лишь в восстановлении сокровенного союза человека с Богом в любви, превосходство которой в аллегорической форме воспевают Песнь Песней и призывает, чтобы эта любовь воцарилась в нас. Первое условие восстановления союза человека с Богом — это вера, но любовь, которая ей присуща, подвигает верующего на усилие моральной аскезы и духовного созерцания, в чем, собственно, и заключается христианская жизнь. Результат этого усилия — очищение души и восстановление подобия Богу, затемненного грехом. Христианину отныне следует на практике осуществлять совет, которому когда-то следовал Сократ: «Познай самого себя», — ибо познать себя как образ Божий значит познать Бога. Когда это подобие достигает высоких степеней, мистическая жизнь начинает приносить свои самые счастливые и прекрасные плоды: Бог поистине пребывает в душе человека, а душа — в Боге. Существо этого учения образует каркас мистической теологии св. Бернарда Клервоского. Напротив, эсхатология Григория Нисского, испытавшая сильное влияние Оригена, стала почти забытой страницей его творчества; он также был озабочен перспективой полной и окончательной победы Бога над злом и поэтому допускал, что весь мир, очищенный от всякой скверны, обретет в конце концов первоначальное совершенство, не исключая даже — после необходимых освобождающих страданий — осужденных и демонов. В этом пункте ему следовал Иоанн Скот Эриугена.

На Западе в средние века часто путали двух Григориев. Иногда Григория Нисского и Григория Назианзина (Григория Богослова) воспринимали как одно лицо, иногда, различая их, ошибались в атрибуции произведений, а порой им приписывали произведения, автором которых не был ни тот ни другой. Так произошло, в частности, с очень важным трактатом «О природе человека» («De natura hominis»), который сейчас приписывается Немесию, епископу Эмессы. О нем неизвестно ничего, кроме того, что он был автором этого сочинения и что расцвет его творчества приходится, вероятно, на время ее написания — на 400 г.

Как и Григорий Нисский, Немесий отводит науке о человеке, и особенно о душе, центральное место в сокровищнице человеческого знания. Основанная на владении свободными искусствами и пользующаяся всеми плодами философии, эта наука с лихвой возвращает то, что от них получает. Изучение человека является, собственно, частью физики, а от нее ведут происхождение многочисленные отрасли наук о природе. Отсюда название, которое дает ей Немесий: «Премно physicon», то есть ствол естественных наук. В средние века часто встречаются цитаты из произведения под этим загадочным названием, например в «Металогиконе» Иоанна Солсберийского.

Воскресший Иисус и обольщения змия. Как в Писаниях говорится о дьяволе

И третье соображение — чтобы выразить удивление в связи с отсутствием в проповедях и катехизисах тем о реальности демона. Не говоря уже о тех богословах, которые, с одной стороны, аплодируют, что наконец II Ватиканский собор объявил Писание «душой священного богословия» (Dei verbum, 24), а с другой, не колеблясь, — если и не заявляют открыто о его несуществовании (как говорят в отношении ангелов) — пренебрегают, как несущественным, этим фактом существования демона, широко засвидетельствованным в самом Писании, считая его олицетворением некоей первобытной идеи зла, которая теперь является неприемлемой.

Такая концепция является шедевром идеологии и прежде всего она принижает само дело Христа и Его искупление человека. Вот почему нам кажутся вовсе не второстепенными упоминания о демоне, встречающиеся в речах Папы Франциска.

(о. Инос Биффи)

<http://ru.radiovaticana.va>

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Природа человека объясняет центральное положение науки, которая изучает его. Человек — микрокосм, то есть Вселенная в миниатюре. Состоящий из тела и разумной души, человек есть соединительное звено между миром тел и миром духов. Это лишь частный случай непрерывных связей, наблюдаемых повсюду в природе между минеральными, растительными, животными и антропными формами и внутри каждой из них. Такое упорядоченное единство, которое из совокупности вещей создает целое, достойное так называться, является к тому же самым очевидным доказательством существования Бога.

Промежуточное положение человека между материальным и духовным мирами определяет проблему его судьбы: обращаясь к духовным благам или к благам телесным, человек соответственно либо становится подобным Богу, либо деградирует. Наше понимание природы человека и души оказывает благотворное или пагубное влияние на нашу жизнь в зависимости от того, истинно оно или ложно. В самом деле, все в этом случае зависит от выработанного нами понятия о душе. Здесь противостоят друг другу два учения: учение Платона и многих других философов, которые рассматривают душу как субстанцию, и учение Аристотеля и Динарха, отрицающих субстанциальность души. Аристотель говорит, что «душа есть первое производное природного тела, которое обладает действительной жизнью»; Динарх утверждает, что она представляет собой «гармонию четырех элементов», участвующих в формировании человеческого тела. С первой главы своего трактата Немесий занимает четкую позицию на стороне Платона против Аристотеля и делает это в терминах, выражающих то состояние духа, которое на столетия переживет Немесия: «Платон говорит, что человек — это не душа и тело, но душа, пользующаяся телом. В этом пункте он лучше Аристотеля знал, что такое человек, и он устремляет нас на исследование одной лишь души и ее божественности. Так что, убежденные в том, что мы — души, возлюбим блага души и будем искать их, то есть искать добродетели и счастья; и не станем больше любить вождения тела, потому что они не столько от человека, сколько от животного, а если и от человека, то только вследствие того, что человек — тоже животное». Итак, повторим вслед за Платоном, что душа — не производное от тела, но бестелесная самовосполняющаяся субстанция (*substantia incorporea suimet expletiva*).

Аргументация Немесия будет играть существенную роль в средние века. В сочетании с аргументами Макробия, Авиценны и других философов, прикрываемая, кстати, авторитетом св. Григория Нисского (*Nysenus* вместо *Nemesius*), она будет популярна у августинцев, которых привлечет своей платоновской ориентацией, в их полемике со сторонниками аристотелевской концепции человека, определяемого как субстанциальное единство души и тела. Умонастороение, пронизывающее тексты Немесия, станет одной из самых стойких преград, на которые натолкнется томистская реформа и которую она так и не преодолеет окончательно. Всегда были и, скорее всего, всегда будут умы, считающие платонизм христианской по своей природе философией, а аристотелизм — типично языческой.

Тем не менее платоновскую тенденцию в умах христианских мыслителей постоянно сдерживала вера в учение о телесном воскресении. Дефиниция души как самодостаточной субстанции облегчала доказательство ее бессмертия, что было гораздо труднее для тех, кто, определив душу как форму тела, должен был объяснить, почему она не погибает вместе с телом, чьей формой она является. Напротив, дефиниция души как формы тела облегчала понимание того, почему однажды Бог сможет воскресить тело, форма которого есть душа и без которого она не может быть в полной мере тем, что она есть. Сторонники концепции души-формы должны, следовательно, озаботиться доказательством того, каким образом, будучи формой, она есть также субстанция; а сторонники концепции души-субстанции должны объяснить, как, будучи самодостаточной субстанцией, она может исполнять роль формы. Для первых наибольшее затруднение связано с объяснением, как может душа существовать вне тела после его смерти в ожидании воскресения; для вторых трудности возникают в связи с объяснением, как может образоваться единство сочетание двух субстанций, из которых по крайней мере одна — самодостаточна.

Это именно та проблема, которую ставит Немесий: если душа — самодостаточная субстанция, то как возможно ее единство с телом? Он пишет: «Платон не желает, чтобы живое существо состояло из души и тела, он желает, чтобы оно было душой, которая пользуется телом, словно одеждой. Но здесь есть одна несообразность: как душа может составлять с телом одно целое? *Non enim est unum vestis cum vestito*: одежда не составляет одного целого с тем, кто ее носит». Невозможно лучше сформулировать это возражение. Чтобы его снять, Немесий обращается к Аммонии Саккасу, *didascalus Plotini*¹¹³, и через него — к самому Плотину. Умопостигаемые вещи обладают такой природой, что могут соединяться с телами, способными их принять, и тем не менее остаются отличными от них, «*ut unita maneant inconfusa et incorrupta, ut adjacencia*». Применительно к телу единство всегда означает смешение: элементы исчезают в соединениях, пища становится кровью, которая питает плоть. Напротив, умопостигаемая субстанция может существовать только как таковая, либо же прекратить существование. Таким образом, проблема единства души и тела не является неразрешимой.

Слово Господне:

В те дни: Пётр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый. И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм. Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Пётр с Иоанном, всмотревшись в него, сказал: взгляни на нас. И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них чего-нибудь. Но Пётр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени. И, вскочив, стал и начал ходить, и вошёл с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога. И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога; и узнали его, что это был тот, который сидел у Красных дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумления от случившегося с ним.

Деян 3, 1-10

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Мы знаем, что душа едина с телом, так как она воспринимает происходящие в нем изменения, «quod autem uniat, compassio demonstrat». Одновременно мы убеждены, что она не смешивается с ним, потому что может стать независимой от тела во время сна или экстаза, а также потому, что она бессмертна. Остается допустить, что душа соединяется с телом по типу умпостигаемых субстанций, то есть не изменяясь.

Если в вопросе о природе души Немесий не согласен с Аристотелем, то при описании тела он прямо отсылает нас к нему. Более того, хотя он воспроизводит геометрические Доктрины «Тимея» и стоиков, он принимает аристотелевскую теорию четырех элементов (земля, вода, воздух и огонь) и четырех элементарных качеств (тепло, холод, сухость и влажность). Повествование Библии не имеет отношения к ученым спорам по этому вопросу. Какой бы ни была природа элементов, они были сотворены Богом из ничего, и для теологии важно только это. В Библии даже не встречается слово «материя», которое ей неизвестно; все, что в ней утверждается, — это творение ex nihilo; остальное — дело физиков.

Душа обладает тремя свойствами: воображением, разумом и памятью. Воображение (imaginativa) есть иррациональная способность, движимая чем-либо воображаемым. Воображаемое (phantaston, hoc est imaginabile) есть то, что доступно воображению. Можно, впрочем, вообразить нечто, чему не соответствует никакой объект; такой образ называется фантазмом (phantasma). Далее Немесий обсуждает четырехчленную стоицистскую классификацию: phantasia, phantaston, phantasticon и phantasma — и приходит к выводу, что здесь мы имеем дело лишь с вербальными различиями. Он убежден, напротив, что инструменты воображения — это находящиеся спереди мозга желудочки, где обитают животные духи и пять чувств, которые он детально описывает.

Память — это способность удерживать и воспроизводить воспоминания. Их воспроизведение после периода забвения называется воспоминанием (rememoratio). Здесь можно также, вслед за Платоном, назвать обнаружение всякого знания, соприродного интеллекту. Так, убежденность в чем-то универсальном, например в существовании Бога, может рассматриваться, по Платону, как воспоминание некоторой идеи (rememoratio nem ideae). Месторасположение этой способности — средний желудочек мозга, что подтверждается фактом нарушения памяти вследствие поражения этого желудочка.

Остается познавательная способность души. Следуя Аристотелю, Немесий различает у души рациональную и иррациональную части. Согласно некоторым философам, в том числе Платону, разум — это добавление к душе, так что человек состоит как бы из трех элементов: тела, души и разума. Аполлинарий, епископ Лаодикийский (ум. ок. 392), при толковании текста св. Павла (1 Фес. 5:23) также принимал трехчленное деление человека на разум (nous = pneuma), душу (psyche) и тело (soma). Аристотель, которого Немесий толкует здесь по Александру Афродисийскому¹¹⁶, считал разум естественно действующим в человеке, однако добавлял, что действует он лишь под влиянием извне: согласно этому учению, разум не является необходимым дополнением к сущности человека как таковой, но лишь инструментом познания вещей; существует якобы очень немного людей — возможно, одни только философы, — которые обладают разумом. Сам Немесий предпочитает следовать за Платоном: если человек — это, в сущности, душа, которая пользуется телом, то она, естественно, должна обладать способностью интеллектуального познания; короче говоря, сама душа есть разум.

По той же причине иррациональную часть души не следует рассматривать как некоторую отдельную душу: это только способность, *partem et virtutem*. Она, в свою очередь состоит из двух частей — повинующейся и не повинующейся разуму.

Иррациональная часть души, которая подчиняется разуму, разделяется на желающую (*desiderabilis*) и раздражающуюся (*irascibilis*). Это — вместилище страстей. Вообще говоря, страсть есть вызванное извне изменение в том, кто ему подвергается (сравним: «страсть» и «страдать»). Наше тело непрерывно подвергается подобным изменениям, но они называются страстями, только если достаточно сильны относительно нашей способности восприятия. В точном смысле слова, страсть — это воспринимаемая модификация тела, производимая действием добра или зла. Основные страсти-желания суть удовольствие и страдание. Вслед за Эпикуром Немесий классифицирует удовольствия на естественные и необходимые, на естественные, но не необходимые и на неестественные и не необходимые. Над этими животными страстями находятся чисто духовные удовольствия, которые следует называть скорее радостями, нежели удовольствиями, потому что удовольствие — это страсть, а радость — это действие. Что касается страданий и эмоций, таких, как гнев или страх, то они суть животные страсти в узком смысле слова. Под ними располагается иррациональная часть души, которая не повинуется разуму: она включает функции питания, размножения и самосохранения.

Действия человека труднее описать, нежели страсти. Их делят на добровольные и недобровольные, а эти последние могут быть «вызваны либо неведением, либо насилием». Этому недобровольному (*involuntarium*) действию в точности противостоит добровольное (*voluntarium*).

Толкование (Деян 3, 1-10):

Это первое чудо, которое было совершено во имя Иисуса Христа. И оно произвело глубокое впечатление: кажется, что Иисус из Назарета не исчез, но все еще остается среди людей, чтобы являть им благотворные силы Бога, желающего спасти всех. Эта благодать продолжается и сегодня: во имя Иисуса Христа Церковь продолжает утешать и укреплять верующих во всем мире. Ее задача - напомнить людям о том, что события, рассказанные в Священном Писании, — это не только прекрасные воспоминания: Иисус и сегодня идет с нами, чтобы исцелять и спасать. Христиане — то есть каждый из нас — имеют важную задачу: сказать своей жизнью, что чудеса не кончены, потому что воскресший Иисус любит Свой народ.

ОТ КАППАДОКИЙЦЕВ ДО ФЕОДОРИТА

Во всем этом обнаруживается преобладающее влияние Аристотеля. Оно дает о себе знать и в анализе добровольного акта. Он включает три момента: размышление, совет разума (*consilium*), суждение (*judicium*) и, наконец, выбор (*graelectio*). Сам по себе выбор является смешанным актом, в который входят одновременно размышление, суждение и желание; ни один из этих элементов не проявляется самостоятельно, но лишь в единстве, как и человек есть единство души и тела. Следовательно, можно определить выбор и как желающее размышление, и как размышляющее желание. Размышление относится не к цели, которая есть желаемый объект, а только к средствам ее достижения. Оно свидетельствует о реальности свободного выбора, так как размышляющее существо очевидно является источником актов, о которых оно размышляет. Но размышляет разум; следовательно, он и есть источник свободы. Человек — существо хрупкое и изменчивое, ибо сотворенное; однако будучи способным рациональным путем выбрать объекты устремлений своей воли, он свободен. Бог создал его таким, что он может и должен соответствовать своему естеству: его действия зависят от него самого; его привычки, хорошие или дурные, зависят от его действий; следовательно, он несет ответственность за свою жизнь, которая в конечном счете зависит от него самого.

Исполненный гораздо более откровенного философского духа, нежели труды, о которых мы до сих пор рассказывали, «*Præmno physicon*» обладал всеми качествами, чтобы понравиться средневековому читателю. Огражденный авторитетом Григория Нисского, которому его приписывали, этот трактат предложил серию классификаций и дефиниций, в каковых была нужда. Примечателен, однако, компилятивный характер изложенного в нем учения: здесь христианская мысль заимствует метафизику у Платона, а науку — у Аристотеля, еще не сознавая, что невозможно обладать обеими сразу. В XIII веке мы встретимся с произведениями совершенно иного размаха, но подобного же вдохновения. Поэтому неудивительны многочисленные цитаты из *Nysenus'a*, то есть Немесия, в произведениях Альберта Великого — учителя Фомы Аквинского.

Начало V века изобилует курьезными опытами, которые позволяют ярко представить эпоху, когда к христианству присоединялись носители самых разных культур — каждый со своими собственными идеями, которые он сохранял, становясь христианином. В эту эпоху можно было услышать всякое. Существует, например, сборник «Бесед» («Гомилий»), традиционно приписываемый отшельнику Макарию Египетскому (ум. в 395), но сейчас этот сборник датируют приблизительно 420 г., и, следовательно, его авторство не может принадлежать Макарию. Автор «Бесед» был материалистом и не допускал никакого иного различия естества тел, душ и ангелов, кроме степеней тонкости материи, из которой они состоят. Из этого правила он делал исключение только для Бога; во всем остальном его физика была чисто стоицистской. Это не мешало ему учить, что душа создана по образу Божию, и развить мистическое учение о потере и восстановлении подобия Богу, влияние этого учения было, по-видимому, значительным. Синезий, наоборот, пришел к христианству через неоплатонизм. Ученик женщины-философа Ипатии, с которой он навсегда сохранил дружеские отношения, Синезий обратился в христианство; однако, когда Александрийский патриарх Феофил в 409 г. предложил ему епископство в Птолемаиде, он отказался поступить чем-либо из своих философских взглядов. «Я не желаю быть популярным епископом, — ответил он. — Я философ и им останусь».

Одна из самых любопытных фигур этой эпохи — Феодорит (386—458). Будучи архиепископом Кирским, он сочинил между 429 и 437 г. трактат под названием «Врачевание эллинских недугов, или открытие евангельской истины исходя из греческой философии». В середине V века нужно было возобновить дело Евсевия, и во «Введении» к указанной книге разъясняется причина этого — вечная причина. Речь идет о том, чтобы верующие запретили себе быть невеждами; а для людей греческой культуры нужно было обосновать веру в учение апостолов и пророков, которые были варварами. Для истории философских идей наиболее интересны первые шесть из двенадцати книг, составляющих упомянутый труд. Знакомые с философией лишь поверхностно, противники веры слишком самоуверенны, и Феодорит стремится их исцелить, показывая пример философов, достойных этого имени, — например, Сократа, Платона и Порфирия. Разве пифагорейцы и ученики других философов не выбирали учения, исходя из веры своих учителей? Впрочем, вера и знание нераздельны: вера предшествует знанию, знание сопровождает веру. Сначала верить, потом понимать — вот нормальный ход всякого обучения. Философы учат нас многому, и Феодорит, опираясь на самые разные цитаты, показывает, что лучшие из философов предощущали христианскую веру. Лучший из лучших — это «красноречивейший Платон», которого невозможно отделить от Сократа, а о нем Пифия сказала, что это мудрейший из людей. Выступая против многобожия своего времени, Платон учил о существовании единого Бога, Творца всего сущего и Промыслителя Вселенной. Таким образом, есть некая гармония между «старой» и «новой теологиями», и вслед за Нумением¹¹⁸ можно сказать, повторив слова, приведенные Евсевием: «Кто такой Платон, если не Моисей, говорящий по-гречески?» Впрочем, нет ничего удивительного в том, что Платон согласен с Моисеем, так как все, что он сказал истинного, было украдено им у Моисея. Этот трактат, где в изобилии цитируются «Строматы» Климента Александрийского и «Подготовка к восприятию Евангелия» Евсевия, завершает ряд апологий, написанных христианами, чтобы убедить представителей умирающего язычества.

Из книги: Этьен Жильсон ФИЛОСОФИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА От истоков патристики до конца XIV века

Слово Господне

Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое. Ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа. Вы слышали о моём прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал её, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моём, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий. Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам: я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошёл в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошёл в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, перед Богом, не лгу.

Гал 1, 11-20

Ад и рай

— Учитель, — однажды обратился к старцу его ученик, — веришь ли ты в существованиерая и ада?

— Конечно, верю, — ответил старец.

— Почему, тогда, мы их не видим? — спросил юноша. — Почему они скрыты от людей? Ведь если бы наказание за грехи и награда за добropорядочную жизнь были зримы, это убергло бы многих людей от множества предосудительных поступков.

— Они и не скрыты, — учитель положил морщинистую ладонь на голову своего ученика, — и рай и ад находятся здесь, в нашей голове.

— Я не понимаю тебя, — сказал озадаченный юноша, — как можно после смерти попасть в свою собственную голову?

Старик спрятал руки в широкие рукава своей куртки и ответил:

— Физическая смерть — это разрушение связей между душой и телом. С этим миром нас связывают наши органы чувств — слух, зрение, осязание, обоняние, вкус — то, благодаря чему мы ощущаем время. Они-то и покидают нашу душу в момент смерти. А что происходит с душой, когда та теряет ощущение времени? Она погружается в вечность. И именно в том состоянии, в котором была при жизни человека. Если человек был добр, искренне любил в Бога и от всей души творил добро, если он видел мир в радужном свете и всё воспринимал с благодарностью и радостью, то его ждёт светлая и радостная вечность, раскрашенная добром и счастьем. Такая душа устремляется прямо к Богу, как к источнику света и добра.

Если его душа была черна, если им управляли страх, зависть, и ненависть, если он творил зло и искренне верил только во зло, то его душу ждёт вечность полная терзаний, горя и боли. Такая душа не пойдет к Богу, потому, что божественный свет, будет невыносим для нее. Эта душа будет жить по соседству с точно такими же полными ненависти существами, которые только и делают, что причиняют друг другу страдания. И это истинный ад, ведь такие души горят в огне собственного зла.

ИГОЛКА И НИТКА

Нить и Иголлка находились в одной портняжной коробке. Однажды возник у них спор: стали выяснять, кто больше приносит пользы. Иголлка:

— Я соединяю края ткани и прокладываю путь для тебя!

Нить стала возражать:

— Да, но я укрепляю ткань навсегда, оставаясь частью её!

Их спор ни к чему не привёл, каждый остался уверен в своей правде.

Прошло время, пришёл старый Портной, взял в натруженные руки Иглу, Нить и кусок ткани. Он начал шить, стежок за стежком, а Нить и Игла стали продолжением его рук.

Христианам надо думать не о том, кто приносит больше пользы людям, а о том, как стать лучшим инструментом в руках Творца.

КОВРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

В одном городе жил ковровых дел мастер. Всю свою жизнь он занимался тем, что ткал ковры. Своё мастерство он получил от своего отца, а тот от своего, и так далее. В каждом своём творении -ковре мастер выражал собственное видение мира. Каждая его работа была словно письмом — посланием миру. В самом конце своих дней мастер создал ковёр, в котором рассказал обо всём, что узнал в долгой жизни. Его ковры ещё долго украшали дома как бедных, так и богатых людей.

Все, что мы делаем: будь то ковёр, посаженное дерево или даже вбитый гвоздь — это наше творение, послание миру и другим людям, оно несёт им частичку нашего сердца и души.

ДВА ЗОЛОТЫХ ДНЯ

Есть два золотых дня. И об этих днях совершенно надо не беспокоиться. Они свободны от страха и ожиданий.

Один из этих дней - вчера, со всеми его тревогами, страданиями, болью, ошибками, недостатками. Этот день ушел навсегда. В нем ничего нельзя уже изменить, исправить или предупредить. Этот день - в руках Божьих. Второй день, о котором надо учиться не тревожиться - это завтра, с его бременами, опасностями, даже бедами. Этот день в Божьих руках. Оставьте его Богу. Он заботится о завтрашнем дне.

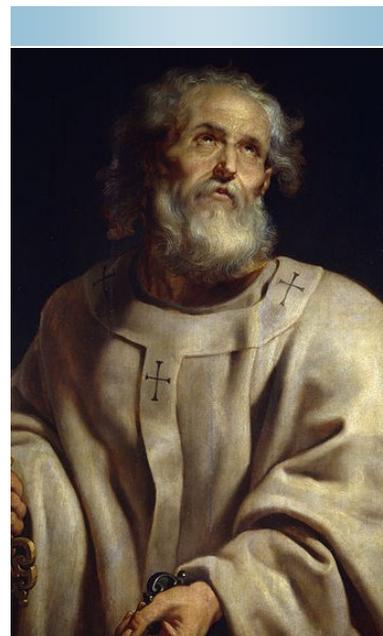
Таким образом, для людей остается только один день - сегодня. Проходя этот день, надо прилежно и молитвенно совершать свой труд. Это долг каждого человека. Надо начинать этот день с молитвой и верой, что могучая десница Господа будет вести нас в этот день, как она вела нас вчера.

Где тревоги, там конец веры! Господь, умножь нашу веру!

ЕВАНГЕЛИЕ ИН 21, 15-19

Когда явился Иисус ученикам Своим и они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Ещё говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр опечалился, что в третий раз спросил его: «любишь ли Меня?», и сказал Ему: Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Пётр прославит Бога. И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною.

Ин 21, 15-19

«Я говорю тебе: ты — Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф.16:18-19).

ТОЛКОВАНИЕ ИН 21, 15-19

Скорее всего Петр не понял тех пророческих слов, с которыми к нему обратился Иисус. Эти слова касались того, как он кончит свою жизнь: князь апостолов отдаст свою жизнь в мученичестве в Риме, спустя почти тридцать лет после этой беседы с Иисусом. Тем временем Петру необходимо по-новому осознать свою любовь ко Господу и то, что Господь любит его несмотря на его троекратное отречение. В словах Иисуса больше всего потрясает то, что Он продолжает доверять Петру: Он дает ему новую надежду, Он восстанавливает его главенствующее положение

среди одиннадцати апостолов, ничем не поминая ему – во всяком случае, напрямую – трусливого отречения. Точно так же Иисус ведет Себя с каждым из нас: видя наши каждодневные отречения от Него в мелочах, вызванные вовсе не смертельной опасностью для жизни, а всего лишь желанием комфортной и успешной в глазах мира жизни, Он, страдая от нашего поведения, продолжает доверять нам и любить нас.

Копирайты

Номер подготовлен лично админом сайта «Credo in Deum»—Домиником.

При использовании материалов нашего Информационного бюллетеня, ссылка на сайт www.credoindeum.ru как на источник полученной информации ОБЯЗАТЕЛЬНА!

Объявление

Дорогие друзья!

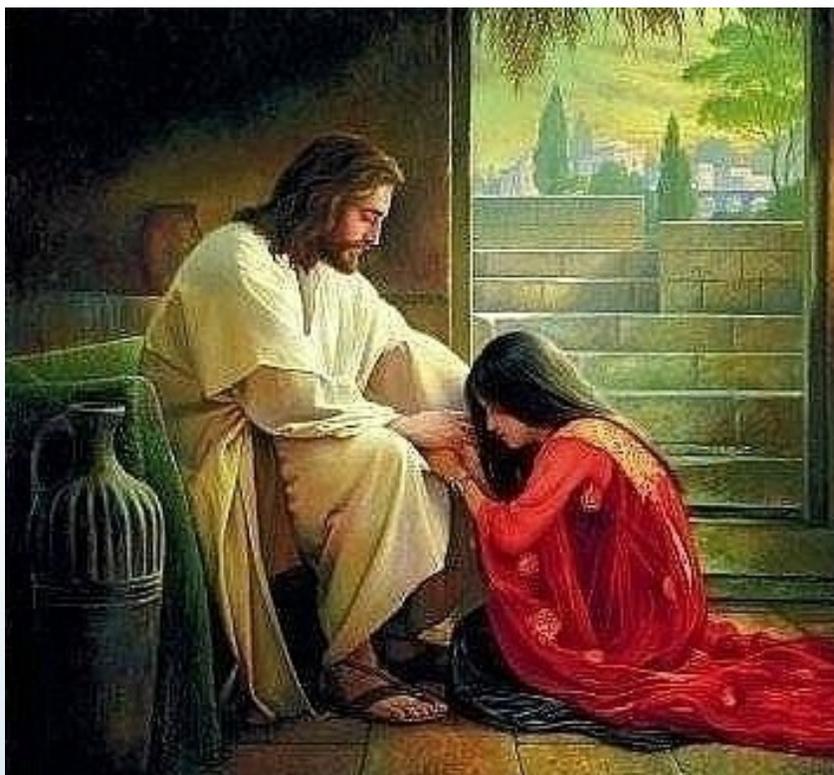
В сентябре во многих католических храмах начнётся набор на курсы катехизации (подготовки к принятию католичества). Мы ждём историй вашего обращения к католической вере на нашу электронную почту: dominik@credoindeum.ru Объём материалов не ограничен!

Сайт «Credo in Deum»

Адрес сайта:
www.credoindeum.ru

Электронная почта:
dominik@credoindeum.ru

© Доминик

Не забываем заходить на наш сайт и форум:

<http://credoindeum.ru>

<http://credoindeum.ru/forum>